

Алекс Дроздов

ВЛАСТЕЛИН СОЗНАНИЯ

СОДЕРЖИТ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Дроздов

Властелин сознания

«Автор»

2014

Дроздов А.

Властелин сознания / А. Дроздов — «Автор», 2014

ISBN 978-5-532-05575-9

Овладение сверхсознанием, магия, перестрелки, погони, любовь и смерть.
Остросюжетный роман. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-05575-9

© Дроздов А., 2014
© Автор, 2014

Алекс Дроздов

Властелин сознания

ПРОЛОГ

...Они никогда не проявляли агрессии, но сегодня всё пошло по-другому.

Каширское шоссе в этом месте делало едва заметный поворот. С одной стороны улицы нарядно мигало огоньками казино, с другой теснились ряды ларьков, не закрывающихся день и ночь. Завершал композицию ресторан “Majestic” с небольшой парковкой, всегда забитой машинами до отказа.

Благодаря ларькам и выходу из Метро даже в такой поздний час, около одиннадцати, ток людей не желал стихать. В основном шла молодёжь – хорошо одетые юноши, их сопровождали девушки, смеющиеся, шумные. Реже попадались рабочие, служащие и уж совсем редко бомжи и попрошайки. Бомжей постоянно и аккуратно отлавливала милиция, и они спешили раствориться в темноте дворов.

Поток авто был не потоком, а хилым ручейком, если сравнивать с часами пик, но всё же ручейком вполне активным. Сегодня – ночь перед субботой, конец рабочей недели, и на ярко освещённые московские проспекты выезжали искатели приключений, золотая молодёжь, «спортсмены» – головная боль автоинспекции. Их тачки всегда заметны на дорогах – дорогие иномарки, и отечественные, но существенно улучшенные тюнинг-авто с форсированными моторами, а иные изменялись хозяевами до неузнаваемости – применялась и аэрография, и немислимое количество фар, всевозможные «обвесы», крылья и прочее, прочее.

Это было их время, и в преддверии субботы они забирали эту ночь без остатка, от заката до рассвета.

У всех этих «спортсменов» было общее качество – горячая, неукротимая кровь.

И жажда риска.

Риск, способ получения адреналина для тех, кто не признавал наркоты, водки и иных подобных способов усиливать вкус жизни.

Блестя лаком капотов и ревя прямоточными трубами, машины проносились по проспекту. Иные же ехали медленно, как бы демонстрируя себя, своё превосходство над «безлошадными», а потому презренными пешеходами.

В потоке показался красный «Феррари». Приземистый и стремительный, он быстро маневрировал, и, поравнявшись со светофором, мягко затормозил. Две огромные выхлопные трубы содрогались, сообщая окружающим о неимоверном количестве лошадиных сил. Тонированные чёрные стёкла скрывали владельца от любопытных глаз. Не дожидаясь зелёного, «Феррари» рванул с места.

Но привычного рёва не последовало, болид двигался абсолютно бесшумно. Он пересёк перекрёсток, и... «прошил» стоящий на остановке автобус насквозь.

Загорелся зелёный. Машины медленно двинулись, набирая скорость, прохожие продолжали беспечно спешить по тротуару к выходу из Метро.

Следующим был большой чёрный джип «Форд». Правый бок у него был ободран до стоек, крыша изрядно помята. Он, так же как и «Феррари», не издавал никаких авто-звуков. За рулём сидел молодой парень. Немигающими глазами он наблюдал за маневрами соседей по потоку, медленно двигаясь вдоль парапета. Было хорошо видно, что его пиджак на плече, ниже шеи был покрыт запекшейся кровью. Поравнявшись с тем местом, где стоял я, «Форд» чуть прибавил газ и скрылся из виду.

Я стоял у выхода из Метро – там, где парапет тоннеля переходил в металлическое ограждение.

Я приходил на это место каждую пятницу.

Электронное табло над входом в Метро показало одиннадцать часов пять минут.

«Порше», тоже чёрный, без лобового стекла, вынырнул из переулочка. У него капот был смят так, словно он секунду назад на полной скорости въехал в столб. «Порше» пронёсся очень близко от меня, обдав пронизывающей волной холода.

У водителя не было головы.

Я довольно скоро сообразил, что кроме меня, это странное ночное «шоу» никто не видит. Фантомы появлялись или ровно в полночь, или чуть раньше, но непременно в пятницу. Я открыл это место случайно. Поначалу меня поразило увиденное, но вовсе не тот факт, что именно я обрёл эту странную способность. Не интересуясь причинами, я как замороженный, просто приходил снова и снова. Как и почему я это видел – не знаю.

Тогда не знал...

Ближе к половине первого призраков становилось больше. Они двигались в обоих направлениях, на относительно целых автомобилях и разбитых почти полностью. С пассажирами и без. Но таких, не подлежащих восстановлению, не было. Видимо, здесь было какое-то условие. Условие «возможности движения» – наличия колёс, например – я не был уверен.

Последним прибыл «Крайслер-неон». Его вела девушка, в кожаной «косухе», очень эффектная. Передняя часть у «Крайслера» отсутствовала, как будто её срезали бритвой – были видны вращающиеся шкивы работающего двигателя, плетью висели рваные жгуты проводов. «Неон» остановился, и девушка посмотрела на меня.

Из открытого окна на меня потянуло могильным холодом. Я чувствовал животом, внутренностями, как она смотрит на меня в упор.

В голове постепенно возник тихий свист.

Я с огромным трудом оторвал руки от ограждения. «Уходи», – чей-то голос звучал в голове. Густая и чёрная, как смола, жидкость потекла из-под «Неона», и, развернувшись параллельно поверхности асфальта, закачалась как змея, пытаясь обогнуть стойку ограждения. Она парила в воздухе в полуметре от меня. Свист усилился и стал почти оглушительным.

Холодный пот выступил на лбу, ноги стали ватными. Какая-то непреодолимая сила тянула меня туда, на дорогу, к машине-призраку.

Собрав всю свою волю, я всё же сделал шаг назад, к лестнице, ведущей вниз....

Часть 1.

Знаки Золотого Тельца.

Глава 1.

Перестройка оказалась неожиданно скорой на расправу. Пожалуй, даже слишком скорой. Нет, умом я понимал всё, принимал и радовался возникающей свободе. Но там, глубоко, где-то в подсознании, всё осталось по-прежнему – так, как нас всех учили. Меня поймут те, кто жил в те времена, когда были «все равны». Даже те, которые успели захватить совсем небольшой «кусочек» брежневской реальности.

Все эти годы я думал о морали. Не о «Моральном кодексе Строителя Коммунизма», нет. С раннего детства колоссальная машина социалистической культуры внушала нам систему ценностей, с её точки зрения, нам, как винтикам СССР, необходимую. Казалось, что эта машина работала безукоризненно и максимально эффективно, исправно стандартизируя миллионы умов. Да, мы могли измениться внешне, могли изменить поведение и даже стать бизнесменами. Но в подсознании многие из нас категорически отрицали это. Мы стали передовыми, свободными, богатыми, и, казалось, уже ничто не напоминало о нашем недалёком прошлом. Мы были почти уверены, что с коммунизмом в сознании покончено навсегда. Почти уверены. Почти. Мы презрительно смотрели на экран телевизора, на пенсионеров, несущих портреты

«отца народов» и на красные флаги. И не желали верить в то, что *всё это* всё равно оставалось глубоко внутри каждого из нас.

Мы оставались «совками» в глубине чувств. На уровне воспитания. На уровне страха. На уровне инстинкта. Но кто знает, возможно что это была и неплохая мораль... Всё лучше, чем её полное отсутствие...

Нас ещё много. Достаточно много. Мы ранимые, иногда добрые и отзывчивые, сентиментальные. Нас этому учили. Мы впитали это в свои души со школьной литературой шестидесятых, семидесятых. С фильмами и демонстрациями. С пионерскими слётами. С водкой в подворотнях на 1 Мая и 7 Ноября.

И сейчас всё это играет с нами злую жестокую шутку.

Жизнь вокруг нас, вот таких «ископаемых», менялась стремительно. Скорлупа трескалась, и падала, несмотря на тщетные усилия подсознания. Можно было замедлить этот процесс, затормозить на какое-то время, стараться не вступать в связь с новым миром, не принимать к сердцу всё это, участвуя в нём только умом. Но это не спасало, конечно. И я думал об этом. И о себе. Чисто риторически я задавал себе один и тот же вопрос: как долго можно будет прятать голову в песок? Пять, десять лет?

Новый мир наступал неумолимо. И очень скоро я это почувствовал...

...Эта история не закончилась и по сей день. Когда она началась, я жил один в двухкомнатной квартире на улице Остужева, недалеко от Садового кольца. Это был почти центр. Впрочем, почему почти? Это и был центр. Квартира досталась мне по наследству. Отец честно отслужил положенный срок в погранвойсках, демобилизовался и устроился на АЗЛК, там он и получил эту квартиру. Через два года после его выхода на пенсию умер Андропов, и началось всё это. Может быть, и это обстоятельство сослужило свою роковую службу – отца не стало ещё через год. После смерти отца мать прожила недолго – казалось, что они, старики, были одним целым. Комсомольцы. Я же, как и все, пришёл с армии, быстро «нагулял» себе жену. Первое время мы жили у моих, позже на съёмной квартире. Почти сразу после похорон – снова у нас.

А потом Валя ушла. Всё случилось как-то тихо. Детей у нас не было. Как гласит закон Мэрфи, если что-то пришло легко, а потом так же легко ушло, подумай – а твоё ли это было? Порой я удивлялся своей циничности, но таков я был. Не знаю, почему, но в душе ничего не осталось, ни плохого, ни хорошего. «Николай, честное слово, ты какой-то вялый. Аморфный. Прямо как медуза. Нельзя же быть таким», – говорила мать. И как каждая мать, она ошибалась, но только наполовину. Снаружи я был флегматик. Но внутри – ? Короче, я был согласен со стариком Мэрфи.

Я работал инженером на том же АЗЛК уже два года, наблюдая за агонией автогиганта. Товарищи-друзья один за другим увольнялись, и я чувствовал, что скоро и мой черёд. Уже были кое-какие договорённости на стороне и планы.

...Рабочий день закончился час назад. С превеликим трудом я продрался сквозь пробки, и когда показался поворот к дому, тосол в радиаторе уже закипал. Термостат приказал долго жить ещё зимой, на новый денег не было. Была весна, тридцатое апреля – я хорошо запомнил эту дату. У меня было ещё одно «великое благо» – гараж во дворе, и притом плановый, как говорят, «с бумагой»

Я загнал машину в гараж и направился к подъезду.

Моя холостяцкая нора располагалась на первом этаже. Окна выходили на две стороны. Мне это не нравилось – со стороны улицы шёл постоянный шум, и лишь с наступлением темноты становилось тихо.

Я отпер дверь, кинул сумку под вешалку, и мимоходом включив телевизор, потащился на кухню. Приготовление еды доходило до автоматизма. Консервы, «заморозка», кофе, котлеты, пельмени – всё отнимало не более десяти-пятнадцати минут времени.

Я бросил в микроволновку котлету. Через пять минут я уже сидел в гостиной, жевал эту самую котлету, прихлёбывал кофе и тарашился в экран.

В дверь некстати позвонили. С раздражением, замедлив приятное жевание, я поплёлся в прихожку.

В тысячный раз я пожалел, что так и не вставил глазок в дверь. Вот лень проклятая! Впрочем, эта самая лень пришла как раз тогда, когда ушла Валя.

В дверях стоял незнакомец лет тридцати – тридцати пяти. В руках он держал блестящую чёрную папку.

– Здравствуйте, – сказал он женским голосом, – Вы Меньшов Николай Иванович, правильно?

– Да, ну и что? Я ничего не покупаю, – я уставился на него.

– Вы же на АЗЛК работаете? Я – из вашего месткома. Мы всех своих обходим по вопросу улучшения жилищных условий.

– Проходите, – сказал я равнодушно. Чёрт с ним, пусть заходит. Скучно.

Он вошёл. Я пригласил его в гостиную, за стол, покрытый красным маминым покрывалом. Стол был круглый, неудобно высокий – денег на новую обстановку у меня не наскребалось как-то. Он разложил на столе какие-то бумаги, а я от нечего делать стал разглядывать его.

Он был худощав, пожалуй – слишком худощав. Скулы выпирали, глаза были посажены близко к переносице, нос острый, «утиный». Костюм был новый, но не из дорогих. Ну да, заводской местком... В общем-то, у посетителя была самая заурядная внешность, и всё в нём говорило о том, что передо мной самый что ни на есть обычный «месткомовец».

Всё, кроме глаз.

Глаза были, как телекамеры у робота – совершенно безжизненные, равнодушно, как-то механически фиксирующие окружающий мир. Жестокие. Такие глаза были у фрицев в советских фильмах про войну. Про себя я тут же окрестил его Гансом.

Ганс закончил шелестеть бумагами и встрепенулся.

– Ах да, ну я не представился. Я – Пётр Петрович!

Я хмыкнул в ответ, продолжая наблюдать. Мне нравилась психология, хотя я в ней ни черта и не понимал. Иногда, в мечтах, я был психологом.

– Вам повезло, Николай Иванович. Сейчас, как известно, сдаётся – да что там сдаётся – уже сдан... Дом, ну вы знаете, в Ясенево, да. Так вот, наш дом, заводской. Вы же писали заявление? – Ганс широко улыбнулся.

– Ну да, писал. Но это тогда, когда нуждался. А сейчас я забрал его. Вы не знаете?

– Ну да это не беда. Очередник отказался, и вспомнили, вот. Можете въехать, прекрасная новая квартирка, да. На четыре квадрата больше, чем эта ваша. Ну, счастличик вы, Николай Иванович! Только нужно сразу, вот. Прямо завтра, или там послезавтра. Ордер получите в понедельник, у нас в месткоме.

– Но я не собирался... Да меня и эта устраивает, – я ничего не понимал.

– Пустяки, Николай Иванович. Все сразу теряются. Вы только подпишите. Вот здесь.

Глаза у Ганса оставались неподвижными. Он пододвинул мне бумагу и ручку. Я стяхнул с себя оцепенение.

– Послушайте, Пётр Петрович! Я не собираюсь ехать в этот микрорайон, к чёрту на кулички, даже в квартиру, большую этой. Вы меня понимаете?

– Да ладно вам, Николай Иванович. Полно горячиться. Решение уже принято...

– Какое ещё решение?!

– Ну, машина от завода – для переезда, вам ещё кредит на мебель, вы же просили – беспроцентный.

Я опешил. Кредит я просил, начиная с лета, каждый месяц, это была правда. И каждый раз мне отказывали, объясняя это предстоящим банкротством. В голове мелькнула смутная догадка. Ганс её тут же и подтвердил:

– Я настоятельно рекомендую вам, Николай Иванович, не артачиться. Сам Геннадий Артурович (так звали замдиректора по финансам) переедет в вашу старую квартиру. Надеюсь, вы понимаете? Он сам обещал посодействовать вам, в смысле карьерного роста. Вы бы хотели стать старшим инженером, ну, скажем, цеха? Подписывайте.

Я был в курсе всех кадровых игр в цехе и хорошо знал, что должность «старшего инженера» периодически создавалась для многочисленных бездарных родственников начальства, с тройной зарплатой. С чего бы эту синекуру стали предлагать мне, инженеру третьей категории? Ганс врал. Я терялся в догадках. Похоже на то, что из меня собирались сделать идиота...

– Пётр Петрович, а не пошли бы вы отсюда, пока не стемнело на улице?!

Ганс вздрогнул и резко поднял голову. Физический перевес был явно не на его стороне. Его глаза превратились в две сверлящие точки. Ему бы сейчас шмайссер.

И каску.

– Напрасно вы так, Николай Иванович, ой напрасно. Признаться, я полагал, что мы договоримся.

Он аккуратно собрал со стола бумаги.

– Да, напрасно, – повторил он и вылетел в подъезд.

Настроение было испорчено. Я плюхнулся в кресло и устался в «ящик». Чёрт знает что! Завтра нужно будет узнать на работе подробнее, в чём тут дело. Но всё это уже вылетало из головы.

Через час я почти забыл этого загадочного «Ганса». Всё-таки телевизор – великая вещь, как бы там ни говорили. Полагая, что Пётр Петрович больше никогда не напомнит о себе, я заблуждался. Правда, он действительно больше не явился, но несколько раз звонил до конца недели. И я уже устал «посылать» его беспрестанно в ту самую сторону, как тут и началась вся эта «история».

Это случилось в пятницу. Последние дни, именно в пятницу, я ездил на Каширское шоссе. В жизнь, до этого монотонную и скучную, вошло событие, которое я не мог объяснить – меня стали посещать какие-то видения. Неясные призраки преследовали меня, и не во сне, а наяву. Я видел их отчётливо, но это не пугало, а наоборот – возбуждало любопытство. Способности экстрасенса были мне без надобности, но то, что я открыл их в себе, всё же заставляло пересматривать убеждения закоренелого скептика. Это странное видение.

Я был болен, болен, болен....

Возвращаясь и проходя через двор, я увидел две машины, стоящие одна за другой у дома, на них грузили свой домашний скарб переезжающие, мне незнакомые. В своём доме я знал всего двух-трёх соседей, не больше. Протиснувшись между двумя шкафами, я нырнул в тёмный подъезд.

Всё в этом мире движется по кругу, как и мой убогий быт. Включив на ходу телевизор, я шагнул в кухню и «кинул» в микроволновку судок с овощами, не забыв и кусок колбасы, жалея, что пива сегодня в меню не было предусмотрено. Что же? Я напялил тапочки, и, включив таймер, сел в кресло.

Раздался звонок. Если это снова Пётр Петрович...

Я поплёлся в коридор, и, не удосужившись спросить, кто за дверью, отпер замок.

Удар в переносицу отбросил меня к стене. Вспышка ослепительного света мгновенно захватила мозг, в миг отключив сознание. Голова угодила в бра, висевший за спиной, плафон лопнул и разлетелся, рассекая кожу на затылке. Второй удар пришёлся в солнечное сплетение.

Свет сменился полной темнотой....

...В голове звенело. Я медленно приходил в себя. Судя по окружающим предметам, они втащили меня в комнату. «Они» – двое молодых людей в кожаных чёрных куртках и джинсах. Они стояли по обе стороны от меня, негромко разговаривая. Тот, что был в поле моего зрения, крепкий, казался огромного роста. Широкое лицо его явно не было отмечено печатью мудрости, как сказал бы Соловьёв. Один глаз у него был неподвижен.

Они говорили что-то о каких-то документах. Второй тотчас начал рыться в моих шкафах и письменном столе.

Я попытался встать на колени и получил удар ногой. Удар пришёлся вскользь, и я встал на одно колено. Нападавшие подскочили, всё было очень быстро, быстрее, чем я смог оценивать обстановку. Удары, в основном по голове, посыпались молниеносно. Эти ребята были профи. Голова стала «обматываться» ватой, звон усилился. Звуки исчезали постепенно, сильная тупая боль в темени вдруг опрокинула сознание. Последнее, что я почувствовал – это сильный удар в грудь....

...Холод пронизывал тело насквозь. На мне было покрывало, моё собственное, с дивана. Я стащил его и увидел небо. Голову я совершенно не чувствовал, только какую-то часть лица, кажется, правую. Я поднял руку и попытался ощупать голову – всё было липкое. Я провел рукой выше и вдруг ощутил страшную боль.

Снова наступил провал в памяти. Какие-то то ли взрослые, то ли дети склонялись надо мной. Было сыро, сквозил ветер, шумела текущая вода.

На меня наткнулись деревенские мальчишки под высоким откосом шоссе, на берегу маленькой речушки, в десяти километрах от Клина – но об этом я узнал позднее, уже в больнице.

Глава 2.

– Множественные повреждения правой теменной части черепной коробки, без проникновения. Сотрясение. Кровоизлияния не было. Ссадина на затылочной части черепа. Глубокая, пятнадцать сантиметров длиной. Проникающее ножевое ранение в область сердца. Была потеря крови, средне. Четвёртая группа, резус отрицательный.

Полная, невысокого роста медсестра держала в руках несколько листов бумаги. Врач, в белом халате, несколько коротковатом ему, был на две головы выше её. Огромный нос, настоящий рубильник, делал его похожим на грифа-стервятника. Впрочем, травматология, где я, по всей видимости, находился, как раз была очень подходящим местом для такой птицы.

Я лежал на койке и наблюдал за происходящим через полузакрытые веки. Или мне казалось, что я наблюдал.

– Ему здорово повезло, – у «грифа» был низкий голос. Наверное, такой голос очень нравился женщинам. Хотя нос и рост тоже идут иногда в счёт.

– Да, ещё бы час, и всё.

Врач повертел бумаги в руках.

– Две операции. Людмила Иосифовна, у меня к вам просьба. Когда он придёт в себя, выясните, относительно документов и всё прочее – следователь придёт, как только будет возможно. Ну, или хотя бы полис. А так держать его здесь только по распоряжению Минздрава, возможно не больше двух недель.

– Ну, я не думаю, Роман Ильич. Приличный молодой человек. Я уверена, всё выяснится.

– Ну, ну, – врач сунул ей в руки бумаги и равнодушно направился к выходу из палаты. Медсестра вложила их в папку, лежащую на столе и стала менять пакетики с лекарством в капельнице. Я попытался пошевелиться, но ничего не получилось. То есть совсем ничего. Это было новое чувство. Препарат снова стал поступать по прозрачной трубке, и я уснул.

Молодой организм делал своё дело – я пришёл в себя быстрее, чем ожидали медики. Посещение следователя оставило у меня вместо удовлетворения отдалённые сомнения, и вместо ясности появились подозрения и фантазии. Следователь был похож не на Знаменского, как ожидалось, а на продавца баклажанов с районного рынка. Конечно же, судить о человеке по его внешности нелепо, по меньшей мере, но я не мог отогнать от себя всякие мысли.

Следователь записал мой бред о нападавших. Почему же бред? Мне показалось, что следователь так и подумал. По крайней мере, весь его вид во время разговора был таков. Мол, говори, я, конечно, запишу эту фигню, и всё такое.

Ну и ладно.

Вскоро я забыл о следователе. Во-первых, я почти был уверен, что наша милиция никого и никогда не находит и не наказывает в подобных случаях. В самом деле, это же не кража белья у Марьванны, и не пьяный дебош около ларька с поножовщиной. Я не считал себя важной персоной, но, вспоминая нападавших, я понимал, что это не просто хулиганы. Было такое чувство, что как-то всё началось с этого неприятного до невозможности Ганса.

Я это понял, но ясности совсем не получилось. Слишком уж невероятный способ завладеть квартирой! Нет, тут другое. Что? И я не стал ломать голову, решив оставить все эти размышления на потом.

Во-вторых, вскоре произошла встреча, изменившая всю мою дальнейшую жизнь, хотя это было бы очень мягко сказано. Тогда я не знал ничего. Но если бы знал наперёд, очень вероятно, что я и не стал бы даже знакомиться с этим человеком. Эта встреча стала началом удивительных событий, совершенно невероятных.

Но обо всём по порядку.

Я уже чувствовал себя значительно лучше, и меня перевели в общую палату. Я ждал известий от следователя, но он так и не явился. «Чёрт с ним», – решил я. В палате кроме меня лежал ещё один человек. Кому приходилось вот так лежать на больничной койке, знают – здесь, как в купе вагона, неизбежны откровенные разговоры, а иногда и исповеди. Эдакий закон жанра. Так было и здесь, со мной и с моим соседом по палате.

Мы познакомились.

Андрей Барков (так он назвался) был одного возраста со мной, поэтому ритуал прошёл легко, и вскоре мы вполне понимали друг друга. В первый же вечер он подошёл сам – мне пока было трудно долго двигаться.

– Кто же это тебя? – спросил он. В его голосе звучало искреннее сочувствие.

– Они не нашли их. Я их первый раз видел.

– Хулиганы, что ли? На улице? Извини, я так.... Можешь не говорить.

– Я не знаю, за что. Только догадываюсь.

– Ну да. Впрочем, понимаю.

Я вкратце пересказал квартирное избиение.

Он подошёл к своей койке и достал пачку сигарет из тумбочки. Закурил, жадно затянувшись.

– Андрей, медсестра....

Схватившись, Барков распахнул нижнюю фрамугу окна, разгоняя дым ладонью.

– Чёртова перестройка. Чёртов Горбачёв этот. Эти гниды на джипах, чтоб их! И ведь хозяева жизни... Ну что тут сделаешь.... Я расскажу тебе одну историю, пожалуй. Тебе интересно будет. Тоже, знаешь.

Докурив сигарету, он на минуту задумался, потом с жаром сообщил:

– Коля, я щас!

Схватив пустой пакет, он скрылся за дверью. Вскоре он появился и выставил на стол полдюжины пива. Нашлось полбатона копчёной колбасы, хлеб и настоящая килька в томате. Он подвинул к моей кровати стул, кое-как сгрудил на него снедь – вполне можно было пировать.

Андрей откупорил одну бутылку, и, налив мне в стакан, отхлебнул прямо из горлышка. И начал свой рассказ....

...Барков работал в небольшой фирмочке по производству тары, располагавшейся на территории автоколонны. Это было удобно, фирма заключила с руководством этой же автоколонны договор на вывоз и транспортировку продукции. Автоколонна была на грани банкротства и была рада любым деньгам. Стояла она на отшибе, и других желающих арендовать пустующие площади не находилось. В общем, здесь вполне комфортно чувствовал себя коллектив цеха.

Всего работало восемнадцать человек. С момента открытия прошёл год и шесть месяцев. Оборудование – станки полуавтоматы – было самое современное, немецкое, всё блестело аккуратными бирками и надписями, у рабочих была униформа. За чистотой следили две уборщицы. Инженер, водитель погрузчика, наладчики оборудования, аппаратчики, разнорабочие, бригадир. Зарплату платили неплохую – у Андрея выходило аж по 600 баксов. Бухгалтерия и офис находились в городе.

Фирма называлась «МосУниПак», она производила картонные коробки различного калибра, и, судя по количеству выпускаемой продукции, дела шли неплохо. Ежедневно из цеха уходило свыше четырёх тысяч этих самых коробок. Андрей проработал несколько месяцев, и ему здесь очень нравилось. Даже строгая дисциплина, царящая на производстве. Пьянок не допускалось, опозданий и прогулов тоже, однако именно это и послужило причиной того случая.

Андрей сдружился с напарником, Степаном Кравченко. Стёпа был женат и до невозможности любил свою пятилетнюю дочурку, Ритулю. Этой зимой она заболела, и Стёпа написал заявление с просьбой отпустить его с работы на один день. Были такие дни, когда продукция не производилась – станки перенастраивали на другой размер выкровок и основные рабочие «отдыхали».

Он съездил с заявлением в офис, к начальству, но там ему отказали.

Стёпа приехал к Баркову поникший, с серым лицом, он чуть не плакал – на следующий день нужно было срочно вести Ритулю в больницу. И Кравченко самовольно не вышел на работу. Наверное, можно было что-то сделать.... Ну, поставили бы ему день, все же свои люди... Только и бригадир, и инженер боялись не меньше за своё место, чем все остальные.

В общем, его уволили. Без отработки, без оплаты неиспользованного отпуска, не заплатили премию, которую он честно заработал. Стёпа ходил, просил, но всё было бесполезно. Всего за один день! Конечно же, все ребята были на его стороне. Только молчали. Никто не захотел конфликтовать, кроме Андрея.

Река делала разворот вокруг холмистой возвышенности, и снова изгибаясь, устремлялась вдаль. Широкая долина была почти лишена растительности, и только вдоль берегов виднелись чахлые кусты и одиноко стоящие деревья. Кругом, сколько хватало глаз, простиралась сухая каменистая земля с островками высохшей травы.

Солнца не было. Всё – и холм, на котором когда-то стоял Кремль, и бывший центр огромного города, и река, и равнина – всё было окрашено в зловещий кроваво-красный цвет. Даже небо. Багровые облака низко неслись над мёртвой землёй.

Я стоял на краю речного обрыва. Ветер, который должен был пронизывать насквозь и сбивать с ног, был для меня неощутим. Справа, против холмов, половину неба занимали четыре вертикальные чёрные тени. Они колыхались в марева испарений. Тени были исполинские. Я спокойно взирал на них, когда услышал голос Страйдера:

– Это Всадники Апокалипсиса.

Мы находились на втором Уровне. Я всматривался в них с надеждой услышать ещё что-то.

Но Страйдер молчал.

Так близко! Так близко от материального мира... Они могут вторгнуться в любое мгновение, а могут это сделать и через девять сакральных лет. Это был самый максимальный срок – девять земных лет. Ведь на Уровнях отсутствует Время и Пространство. Есть только Вечный Свет.

– Пора, – сказал Страйдер.

Находиться здесь больше не было смысла. Сознание сжалось в яркую точку, исчезая навсегда.

Кравченко помывкался с месяц. Он вроде бы и махнул рукой, но поиски источников существования быстро отрезвили его – работы не было. Никакой работы не было. Деньги кончались, и он решил подавать в суд. Формально он был прав, но тут возникло одно непредвиденное препятствие.

Как оказалось, фирма «МосУниПак» была дочерним отделением другой, более крупной корпорации, и все распоряжения и инструкции исходили от неё. И, как выяснил Кравченко, подавать иск следовало не на «МосУниПак», а на эту корпорацию.

В цехе были все удивлены и растеряны. Всё это время никто и не догадывался ни сном, ни духом. Надо же...

Эта корпорация называлась «Властелин». Когда Андрей услышал это от Стёпы, он сразу вспомнил, что значилось на тех надписях, которые они наносили на упаковку. Там значилось: производитель «МосУниПак». Затем – адрес, реквизиты, телефоны. И в правом нижнем углу таким маленьким шрифтом: «Властелин». И так – на всей упаковке.

Вскоре Стёпа исчез. Андрей не мог до него дозвониться, жена Стёпы в перерывах между всхлипываниями по телефону сказала только, что ничего не получается, и что Стёпы нет два дня. Позже Андрей узнал, что в офисе Стёпе не дали адрес головной корпорации, его попросту вышвырнули. Он попытался узнать адрес сам, но корпорация нигде не значилась – ни в телефонном справочнике, нигде. Как будто корпорации «Властелин» не существовало. Тогда он по совету адвоката пошёл в милицию. На основании заявления там могли выдать справку о местонахождении ответчика.

Стёпа так и сделал. Вернее сказать, что он, наверное, так сделал. Труп Кравченко нашли в десяти километрах от города, в том же самом месте. Андрей, как только услышал об этом, тут же взял расчёт. Он решил разобраться в этой истории до конца. У Баркова был друг, у которого была своя фирма «Лондон» – частное сыскное агентство. Он обещал помочь, но по прошествии недели Андрею позвонили и посоветовали успокоиться. А ещё через день, как раз после того, как Андрей зашёл в «Лондон», его сбила машина. Так он попал в травматологию.

– Знаешь, почему я тебе решил всё рассказать? – спросил он меня, закончив свою историю.

– Ну и?

– На теле Кравченко были точно такие же раны.

– Какие это – точно такие?

– Травма головы и ножевой удар в сердце. Только в отличие от тебя он не выжил. Вот так-то.

Я задумался. Но он прервал мои мысли.

– Знаешь, я уже свикся с мыслью, что это не могло быть связано с работой, пока не узнал о тебе. Ну, я думал, что это случайно. На кой чёрт его занесло за город? И всё такое. Но сейчас всё стало ещё больше непонятно. Зачем, ради чего солидная фирма станет убивать такого, как Стёпа? Чтобы он не узнал её адрес? Смешно, ей богу. Коля, я тебя попрошу об услуге. Можно?

– Конечно. Только я не знаю, чем мог бы тебе помочь.

– Если вдруг всплывет что-то, то сообщи мне. Лады?

- А ты сам-то что?
- Честно? Я боюсь.
- Чего же?

– Не знаю. Так, не хочется разделить участь Кравченко. Я, знаешь ли, не боец. Я думал об этом. Нам всегда говорили, что мы ведём революционную борьбу, борьбу между классами и всё такое там. Но из нас все семьдесят лет делали каких-то безвольных, трусливых амёб. Вот я такой и получился. У них получилось. Не знаю я, Коля, не знаю.

Он плеснул себе в стакан пива и плюхнулся на кровать.

Зря он мне всё это говорил. Я и сам начинал бояться. Ведь, по словам Андрея, выходило, что из меня натурально собирались сделать жмурика. Стало не по себе.

Глава 3.

Через день в палате появился «коршун» в сопровождении пухлой Людмилы Иосифовны. Он склонился над моей кроватью, словно намеревался немного поклевать.

– Ну что ж, батенька. Номер вашего полиса мы, по крайней мере, выяснили, в вашей поликлинике по месту жительства. Но вот следователь звонил. Он сообщил, что по тому адресу, который вы ему дали, прописаны почему-то совсем другие люди. Так получается, что вы что-то напутали, или мы. Хотя, с такой травмой... Ну ладно. Вы еще пролежите у нас две недели, и я вас выпишу.

Он дал указания медсестре и продолжил обход. По моим подсчётам, я уже кантовался в этом «храме» медицины четвёртый месяц. Из них последние два после третьей операции – на ногах. Это обнадеживало. Что ещё радовало, так это везение с соседством. Андрей оказался вполне порядочным парнем. И что самое главное, он оказался интересным собеседником. Сказывалось его образование – он когда-то окончил факультет журналистики, хотя ни дня не работал по специальности.

Спасибо перестройке...

Мы болтали по вечерам, иногда скрашивая их пивом. Персонал больницы, особенно младший, знал об этом, и если это было в пределах разумного – закрывал глаза.

Вскоре настал день моего «освобождения». Я с утра забрал из кладовой свои вещи и получил выписку. К чести сестры-хозяйки, они были вычищены и даже выглажены. Можно было и пройти курс лечения значительно быстрее и качественнее, но для этого нужны были деньги. Хорошо ещё, что нашёлся номер полиса, когда я был без сознания. Родственников не было никаких, а знакомым было до фонаря, что я не появляюсь на работе, завод фактически уже закрылся.

Я предчувствовал, что с квартирой возникнут какие-то проблемы. Неясность и тревога висели в воздухе. Я поделился этим с Андреем.

– Квартирные убийцы? Ну да, ну да. А тебе есть к кому пойти на первое время-то? Мало ли чего?

Я мотнул головой. Друзья-то были, но это на неделю. А дальше я надеялся разобраться быстро. Андрей нацарапал в блокноте адрес общежития, где он жил, и фамилию коменданта.

– Скажешь – от меня. Пристроит. И вот ещё, – он ещё что-то написал и вырвал листок.

– Что это? – спросил я, глядя на второй адрес.

– Это мне дали в «Лондоне». Здесь адрес «Властелина». На всякий случай.

Я пожал ему руку, но он не выпустил её.

– И последнее, что я хотел тебе сказать, Коля. Вот тебе ещё один ориентир – дед Савелий. Если ничего не будет получаться, или опустятся руки, или тебя опять захотят убить – найди этого деда. Не смейся. Когда ты его увидишь, то сам всё поймёшь. Он когда-то вытащил меня с того света, и я только по молодой своей глупости не остался у него. И сейчас жалею, да только поздно – к нему второй раз не возвращаются.

– Почему? – удивился я.

– Не удивляйся. Если попадёшь к нему – Андрей почему-то перешёл на шёпот – не удивляйся ничему. Слышишь, ничему! И обо мне ему вообще ничего не говори.

Он впал в странное беспокойство. Нервно закурив, он сбивчиво объяснил мне дорогу к странному деду. Это оказалось далеко. Какая-то деревенька в ста километрах от Москвы. Запомнить было нетрудно.

Я рассеянно сунул бумажку в карман и направился к выходу. Никаких вещей у меня не было....

...Примерно через час, или около того, я был уже дома. В голове нарастало полное смятение. Я вошёл в подъезд, и... Остановился на площадке первого этажа.

Двери в мою квартиру не было. Стена! Она была ровно оштукатурена, так же как и противоположные стены. Дверей соседей тоже не было. У меня задрожали колени и перехватило дыхание. Ничего не соображая, я выскочил на улицу.

На лавочке перед подъездом сидела какая-то мамаша с коляской. С бешено колотящимся сердцем я почему-то побежал вдоль дома, и, повернув за угол, очутился на другой стороне дома.

Поток машин проносился мимо. Я ошалело посмотрел на фасад – на всех окнах первого этажа были установлены решётки и ролл-ставни, окна были тонированы. Там, где было окно моей квартиры, красовалось высокое крыльцо. На крыльце курил охранник в униформе.

Я подошёл ближе и у входа, на вывеске, прочёл: ООО «XXI век». Больше ничего. Только в нижнем правом углу, помельче: корпорация «Властелин».

Я стоял, разинув рот. Охранник, молодой парень, докурив сигарету, аккуратно затушил её о подошву высокого шнурованного сапога и окликнул меня.

– Эй!

Я вышел из оцепенения. Две телекамеры бесшумно поворачивались, фиксируя происходящее перед входом в офис.

– Вали отсюда, придурок, – сказал он, дружелюбно добавив:

– Вали давай, здесь нельзя стоять.

Я тупо, не мигая, посмотрел на его нашивку – «служба безопасности». На поясе болталась резиновая дубинка.

Развернувшись, я поплёлся по улице, как побитая собака. Всё было глупо. Глупо рваться в это самое ООО и что-то требовать, глупо биться головой в то место, где была дверь в мою квартиру. Глупо. Глупо вообще идти по этой улице.

Резкий сигнал отрезвил меня. Передо мной стоял огромный джип. Из открытого окна высунулся толстый бритый парень в тёмных очках.

– Эй, долдон! Ты что, шары залил с утра? Куда прёшь?

Он рванул с места, обдав меня гарью. «Так тебе и надо! Раскис. Соберись!» Но это не помогло. По-прежнему тряслись колени. Меня попросту вышвырнули на улицу, бесцеремонно, как окурок в форточку. Вот так.

Я машинально достал сигареты из кармана. В милицию и в бога я не верил. В суд тоже. Что оставалось? Самому браться за автомат? Я не мог. Мораль, впитанная с молоком, с первым вдохом, сделала из меня законопослушного «совка», интеллигента с авоськой. Я не мог даже поставить мышеловку на мышь, таскающую из моего гаража припасы.

Гараж!

Я вернулся во двор дома. Гараж стоял на месте. Ключи были тоже со мной – от несуществующей квартиры, от гаража и от машины. Я подошёл к гаражу, достал ключ и сунул его в скважину замка. Нет, постой, и что же дальше? Тащить друзей в свидетели, доказывать, что я – это я, судиться.... Возвращать квартиру.... Внутренний голос дал о себе знать. Я почему-то подумал, что не дойду даже до двери в суд, и меня постигнет судьба Стёпы. Я отчётливо и ясно понял это. Моментально.

Тысячи таких вот бомжей заселили колодцы тепловых сетей, оккупировали вокзалы и парки. Учиться хорошо бы на чужих ошибках, так обычно поступают умные люди, а я самоуверенно причислял себя к ним. Не смотря ни на что.

Я принял решение и повернул ключ. Распахнул ворота. Моя родная «семёрка» стояла смиренно, ожидая хозяина. Меня! Стало легче. Я сел за руль и запустил двигатель.

Выехав за город, я направился на юг. Сомнения развеялись – я уже знал, куда ехать. Пристроившись во второй ряд, я ехал со скоростью около семидесяти – внимание работников ГИБДД мне было сейчас ни к чему.

Самый обычный дом-пятиэтажка выходил с торца окнами на Каширское шоссе. В нём было семьдесят девять самых обычных квартир. Кроме одной, последней, восьмидесятой.

Каждую пятницу именно в этой квартире появлялся Маркус. Ровно в шесть часов шесть минут и шесть секунд, вечером, он отпирал дверь, входил в большую комнату и там начинал чёрный ритуал.

По четырём углам комнаты на огромных подсвечниках он зажигал четыре чёрные большие свечи. На полу уже был начертан круг, описанный вокруг пятиконечной прорезной звезды. Посреди круга стоял алтарь. Алтарь был покрыт чёрным шёлком с вышитыми серебром священными арамейскими письменами. Магнитным порошком на полу были сделаны изображения символов астральной защиты. На алтаре покоился человеческий череп. Рядом с ним стоял золотой подсвечник с толстой красной свечой. Вкруг располагались четыре маленьких зеркала в изящных оправках из серебра. Свет пламени свечи отражался в них.

...Маркус в длинном чёрном одеянии стоял у алтаря, и свет горящих свеч блестел в его безумных глазах.

– Прето волюнтас ет terra, инсекто магнум. Ин коелис рабаникум сигнаториум, седуктор арканорум...

Маркус произносил заклинание. Он простёр обнажившиеся руки, жилистые, с крючковатыми пальцами. Дым из курильницы, стоящей за его спиной, перестал подниматься к потолку, он расстился всё ниже и ниже. Тени заплясали на стенах.

– Деворатор ет прима, деворатор ет сартура кетра. Астимус ноэртрум корса, арканорум ноктикула некро!!!

От черепа отделилась небольшая тёмная сфера и медленно поднялась над алтарём. Её поверхность была матовая и ничего не отражала. Её поддерживали четыре тонких световых луча, исходящие от зеркал. Сфера быстро вращалась.

– Росперо ес кетра, адвениат некро кетер! – выкрикнул Маркус. Его лицо было страшно искажено. На поверхности сферы стали появляться проблески. Она вдруг ярко вспыхнула, и... исчезла.

Маркус в изнеможении опустил напряжённые руки.

Он уже который раз делал попытки установить связь с Миром Мёртвых, но безуспешно. Чёрный дым медленно оседал на алтарь. Всё шло прахом. Вся подготовительная работа, целый месяц.

Но он был обречён повторять всё снова и снова.

Маркус щёлкнул пальцами. Свечи тут же погасли.

Несдержанность. Он не любил дешёвых трюков и выключатель привел в действие рукой, просто включив им свет – шторы были плотно задёрнуты.

Около двенадцати....

....За шторой, на подоконнике, стояло зеркало, он забыл про него. Непростительная оплошность для мага такого уровня.

Небольшое зеркало на подставке. На его поверхности всё ещё плясали огоньки чёрного пламени. Оно было направлено в окно, на улицу. Как раз на то место, на шоссе у парапета, где был вход в Метро.

...Они никогда не были агрессивными.

Место было достаточно людное. Каширское шоссе здесь делало едва заметный поворот. С одной стороны улицы мерцало огнями казино, с другой теснились ряды ларьков, не закрывающихся день и ночь. Ресторан “Majestic” завершал «композицию»....

Маркус уже три месяца безуспешно вызывал силы мёртвого мира.

Я уже подъезжал к Подольску, когда заметил, что лампочка топливного указателя горит, не мигая – бак был пустой. Какой смысл высматривать заправку – денег-то всё равно нет? Ни денег, ни паспорта, ни прав, ни дома, ни хрена. А теперь вот и бензина.

Я миновал Подольск и покатил дальше, ожидая, когда встанет машина. Указатель у дороги сообщил, что до Серпухова сорок километров, а стрелка и вовсе упала на ноль.

Всё, что мне оставалось – это начать жизнь заново. И чем дальше от цивилизации, тем лучше. Я несколько раз бывал в деревне, и там всегда мысли сами собой приходили в порядок, и душа успокаивалась. Мне пришла в голову мысль, что наверняка не меня одного так манили запахи сена и тишина.

Ещё километров тридцать. Я ничего не понял, что там с бензином. По всем расчётам он кончился давным-давно. Чудеса какие-то. Если бы я знал, что это было только начало... О чудесах я имел очень приблизительное представление, как оказалось впоследствии. Тем не менее, уже должен быть этот Серпухов. Я что-то слышал об этом городе. Ускоритель, учёные, открытия....

Ещё с пять километров. Ничего.

Куда я ехал? За каким чертом?

На обочине замаячила фигура. Старушка, с клюкой, в платке и телогрейке, сжимала в сухоньких руках небольшую корзинку. Ясно, сезон грибов, сентябрь....

Она махнула, я остановился.

В зеркало я заметил, что старушка и не собиралась ехать – она продолжала свой путь в сторону, противоположную моему движению. Показалось. Я сдал назад и вышел из машины.

– Здравствуйте! – громко крикнул я. Старушка обернулась.

Я подошёл ближе.

– Чего тебе, милоч? – сказала она, внимательно глядя на меня и шурясь. Телогрейка оказалась не телогрейкой, а опрятной, чистой кофтой. На голове берет. Она улыбнулась, являя полный рот зубов, и на секунду мне показалось, что передо мной женщина средних лет.

– Вы не знаете, где-то здесь деревня должна быть, Исток называется. Не знаете?

Глаза старушки лучились.

– А тебе, милоч, туды зачем?

– У меня там друг живёт, – соврал я.

Старушка хитро улыбнулась.

– Ну, здесь недалече будет. Поезжай ещё прямо, там и столбец увидишь. Да, а на нём-то надпись и будет.

И повторила:

– Тебе – недалече будет.

Она повернулась и пошла по обочине, но уже без клюки. Я помотал головой, отбрасывая наваждение – по дороге шла не старушка, а молодая девушка с огненно-рыжими волосами.

Она обернулась. Её смех отозвался эхом в высоких соснах.

Я бросился в машину. Только закрыв дверь, я успокоился. В зеркале никого не было.

Чур меня.

Я завёл машину и поехал. По моим расчётам, было около полудня, но солнце клонилось к закату. Неужели я так долго ехал? Однако надо было торопиться.

Через триста метров я увидел указатель: «Д. Исток», и стрелку – направо. Надо же, Пырловка под Крыжополем. Ещё и указатель! Деревня федерального значения. Не успел я повернуть направо, как двигатель заглох. Ну вот, наконец-то всё нормально.

Ну что, пешком? Ну и ладненько. Я запер машину и пошёл к повороту. На другой, левой стороне дороги стоял щит, «спиной» ко мне. Меня взяло любопытство – я дошёл до щита и посмотрел на него. Ёшкин кот!

На щите значилось: Серпухов – прямо, сорок километров. Налево – деревня Рыжики, никакого Истока не было.

Чертовщина какая-то. Это что ж, я проехал Серпухов? А где же он был? И на чём я так отмахал, без бензина-то? Ага, заснул за рулем, и Серпухов проспал просто.

Я повернул к деревне. Она была недалеко, километрах в двух. Дорога спускалась к ней с пригорка, и вся деревня, обозримая с этой возвышенности, показалась дворов на пятьдесят, не больше. В таких деревеньках все друг друга знали.

Глава 4.

Картонные коробки фирмы «МосУниПак» направлялись на сотни предприятий страны. В них упаковывали рыбные консервы на дальнем востоке, телевизоры, комплектующие для отечественных автозаводов, приборы, химические реактивы, стройматериалы, лекарства и многое, многое другое. На всех этих товарах стояла маркировка заводов-изготовителей. Но кроме обычной маркировки, на большинстве из них значилась ещё и другая, дополнительная. А где не позволяло пространство – простой маленький штампик – «К. В.»

Корпорация «Властелин». Если учитывать ещё и сферу обслуживания, питания, развлечения, туризма, культуры, то корпорация и там имела тысячи дочерних предприятий. И эти дочерние предприятия были отнюдь не какие-нибудь мелкие фирмочки.

Такое соотношение сил в мире бизнеса сложилось совсем не вдруг. Поначалу было создано маленькое бюро в одном из экономических институтов, которое уже тогда называлось «Властелин». Затем оно было преобразовано в ИЧП, затем – в НПО. Оно занималось интеллектуальной собственностью. В то время никто не знал толком – что это такое и можно ли этим торговать. Тем более – можно ли на этом заработать. А так как руководитель этого «Властелина» не выделялся ни сверхвысокими доходами, ни умопомрачительными машинами, ни громадными особняками, то и интереса для мира жёсткого бизнеса не представлял. Им не интересовались так же и так называемые братки. И милиция тоже. Денег у этого человека не было, а интеллектуальная собственность бандитов не притягивала, во всяком случае, в то время. В самом деле, это же не партия видеоманитофонов, её нельзя было отнять, продать.

По большому счёту НПО «Властелин» занималось посреднической деятельностью и теоретическими разработками в области экономики и управления. Человек, стоящий во главе фирмы, был очень талантливым организатором, и звали его Игорь Валерьевич Ивлев. Он носил очки в массивной оправе, имел склонность к полноте и учёную степень доктора экономических наук.

Через год «Властелин» незаметно перевёл свои интересы в сферу биржевых операций. Ивлева очень привлекали движения стратегически крупных видов товара, а также финансы. Особенно финансы. Конъюнктура диктовала приоритеты распределения финансовых потоков, их скорость, зависимость от факторов политики, перспектив развития и спроса. Структура общества менялась, с ней менялось финансовое поле. Одни игроки выходили, заменяя других, сыгравших свою роль до конца, порой – до самого конца. Обо всём этом движении, об этой жизни знал господин Ивлев, а в ряде случаев и участвовал. Правда, «Властелин» никогда не стремился выстроить свой имидж и завоевать известность, всегда оставаясь в тени, зачастую действуя через им же учреждённые вторичные фирмы.

Это была особенность Ивлева. После ряда удачных для «Властелина» сделок, повышающих престиж и позволяющих выйти на качественно иной уровень бизнеса, он отказывал в раскрутке ситуации. На вопросы компаньонов о причинах такой политики Ивлев отшучивался. Говорил что-то о скромности, честном бизнесе, порядочности и о прочей муре.

Через несколько лет стало понятно такое поведение, и все, и партнёры, и конкуренты, оценили по заслугам талант Игоря Валерьевича.

Но было слишком поздно....

...Что ж, деревня, как деревня. Таких я видел немало. Улица и дома утопали в зелени, ребятишки с шумом бегали, обгоняя друг друга. Спустившись по дороге вниз, я обогнул селение справа – дорога шла дальше, за деревню. Дворовая собака просунула морду сквозь редкую изгородь и посмотрела мне вслед, не издав ни звука. Хотя и солнце было довольно высоко над горизонтом, взрослых местных жителей не наблюдалось. Только слышался отдалённый говор да крики птиц.

Дорога представляла собой уже просто широкую тропу. Она упиралась в редколесье, петляя ещё более узкой тропинкой меж деревьев. Памятуя наставление Андрея, я и пошёл по ней.

Лес совершенно волшебным образом успокоил взвинченные нервы, и я, уже беспечно что-то насвистывая себе под нос и с удовольствием оглядывая дышащие природой стволы, устремился по тропке. Она то петляла, огибая покрытые мхом пни, то выпрямлялась. Какие-то птицы щебетали в ветвях каких-то (в ботанике я был профан) деревьев, чем привели меня в совершенно счастливое настроение.

Через полчаса ходьбы между высоких деревьев завиднелся просвет. Я ускорил шаг, радуясь окончанию своего путешествия. По моим расчётам, я уж прошагал километров шесть или семь.

Я вышел на поляну. Но к моему величайшему удивлению, передо мной была деревня. Та же самая деревня.

Тьфу ты...

Я где-то явно напетлял – вот городская балда. Развернувшись, я двинулся обратно. Настроение улетучилось, и я заставил себя более внимательно оглядывать лес, но примерно через четверть часа вынужден был остановиться.

Всё повторялось. Я здесь уже проходил, это совершенно очевидно. Те же пни и коряги, та же ель – возникла уверенность, что я опять двигаюсь к злосчастной деревне. Но этого не может быть, я точно помнил, что не сворачивал с тропинки ни на шаг.

Теперь всё выстраивалось в логическую цепочку. Бензин, старуха-девушка, собака, щит на дороге. Чертовщина была налицо, но рациональное мышление отбрасывало эти сказки, как мистический бред.

Хорошо, чертовщины не бывает. Тогда что же делать? В голове откуда-то взялось: «Наука даёт следующее объяснение...».

Я испугался и обозлился одновременно. Испугался ситуации и обозлился на собственное бессилие. Злость в такой ситуации была как раз на руку. Вопреки всякой логике я повернул назад, на сто восемьдесят градусов, и это меня спасло.

Здравый смысл восставал против такого решения, сверля мозги фразой: «Вот сейчас ты выйдешь опять к деревне, дурачина»... Но всё изменилось, я миновал заросли кустарника и увидел огромную сосну, которой раньше не было. За сосной сквозь ветви проглядывало свободное пространство, и через минуту я вышел на широкую поляну.

Поляна была ровная, как стол, заросшая земляничкой и одуванчиками. Со всех сторон её обступали кольцом деревья, образующие почти непролазную чащу. Другого выхода, кроме моей тропинки, я не заметил. И куда дальше?

Я пересёк поляну, ступая по траве, как по мягкому ковру. У самого края стоял большой дуб. Я остановился, размышляя, и оглядел поляну в поисках дороги – тропинка, по которой я сюда дошёл, затерялась в зарослях. Чего я здесь делаю? Я повернулся к дубу в надежде всё-таки отыскать путь.

Под дубом, на пне, сидел дед.

Он был какой-то ненастоящий. Седую бороду теребил лёгкий ветерок. Одетый в свободную рубаху из грубой материи и синие джинсы, он сидел на пне и ехидно улыбался.

Тут же вспомнились слова Андрея: «Ничему не удивляйся!» Взяв себя в руки, я ляпнул: – Здрасьте!

Дед хихикнул, и, сощурившись, спросил:

– Ищешь кого, милоч?

Вылитый старичок-боровичок.

– Да, мне сказали, здесь дед Савелий живёт. Не вы ли?

– Он самый.

Я почему-то ожидал, что дед начнёт спрашивать, что, да как, кто послал. Но он молчал, глядя куда-то мимо меня. Сидел и попросту молчал. И мои слова куда-то делись – голова была абсолютно пуста. С трудом преодолев скованность, я спросил:

– Вот хорошо, что я вас нашёл! А то, знаете, чуть не заблудился. Дедушка Савелий, а где же вы живёте?

– А прямо здесь и живу.

– Что, в лесу? Мне сказали, что где-то здесь есть хутор.

– Ну-ка, поверотись!

Я обернулся.

Большую часть поляны занимал двор с рубленой избой. Высокая остроконечная крыша, покрытая красной черепицей, делала дом приземистым. Затейливый водосток в виде раскрытых пастей драконов, как это было ни странно, гармонировал строению. Немного нелепо выглядел сарай, прилепившийся на заднем плане. У сарая была сложена поленница. Забор из одних прожилин стоял только с «передней» стороны, со стороны же леса его не было вовсе. Напротив сарая был ещё погреб – я определил его по конструкции в виде двери и насыпного холма. Туалета, обычного для деревенских построек, я не заметил. Посреди двора стоял настоящий турник (!), который уж совсем не вязался со всем этим.

«Избушка, избушка, стань к лесу задом!» Бред. Я повернулся к деду.

– Откуда это... взялось? – другого вопроса я не придумал.

– Туман в уме твоём, – ответил дед Савелий.

Я стоял, не понимая, о чём он говорит. На всякий случай я ещё раз обернулся – дом стоял на своём месте.

Дед смеялся надо мной.

– Разве всё, что ты видишь – реально? Ты просто уверен, что реально. Реально, потому что видишь, или видишь, потому что реально? Или потому что – уверен?

Вдруг он подпрыгнул, и, пройдясь колесом по траве, оказался под турником. Схватившись за перекладину, он сделал подъём, затем – поворот, другой и, соскочив, повернулся ко мне.

Я открыл рот. Передо мной стоял мужчина средних лет. Бицепсы натягивали материю рубахи, сильная шея была напряжена. Глубокие морщины на лице разгладились, а глаза стального цвета смотрели на меня открыто и свободно.

Тут, словно «спохватившись», дед Савелий сторбился, и, кряхтя, оглянулся.

– Ну, милоч, пойдём в избу. С дороги не грех и поужинать тебе, да.

«Нет, он просто издевается, этот чёртов дед. Ну конечно, это просто гипноз».

Тут и думать нечего. Я последовал за ним.

– Ты милоч, верно, думаешь, что это всё – гипноз. Так? – он поднял топор, лежащий на крыльце, и с силой метнул его. Топор со свистом вонзился в колоду, стоящую на другом конце двора, расколов её надвое.

– Так... – нерешительно протянул я.

– Нет. Ты ошибся. Хочешь ли узнать, *что это?*

– Да нет уж. К чему мне эти фокусы? Что мне с них? – осторожно ответил я.

«Дед» медлил, взявшись за ручку двери. Потом обернулся, опять хитро сощурившись. Голос его стал ясным и каким-то иным. Он вдруг совершенно отчётливо произнёс:

– Не будь слабым, Коля. Разве не за этим ты пришёл сюда? Ты ведь от слабости хочешь избавиться?

Он был прав. Я всегда это знал. Я знал, что ищу здесь *силу*.

– Тогда заходи. Но помни, что назад дороги нет.

Дед Савелий рывком открыл дверь в избу, пропуская меня вперёд.

Медлить было нельзя – и я переступил порог.

Он, кажется, назвал моё имя.

Глава 5.

И я стал жить у деда Савелия. По его совету я поселился в сарае: снаружи неказистый, внутри он оказался вполне приличным – даже пол был сработан из плотно пригнанных струганных досок. Под маленьким окном стоял топчан с несколькими козьими шкурами, и этого вполне было достаточно в тёплые летние ночи. Осенью я перебирался в избу. В мои хозяйственные обязанности входила заготовка дров, поддержание чистоты во дворе, мелкий ремонт построек, и ещё – вода. Вода была в тридцати метрах от двора – из-под земли бил ключ, наполняя чистой влагой небольшое озерцо. Озерцо в поперечнике составляло метра три – четыре, не больше. Из него вытекал ручей, скрываясь в чаще леса. Я должен был наполнять две деревянные бочки, стоящие в огороде, и еще одну – над душем. Летом это был тяжкий труд – дед сам поливал огород, не жалея воды. Иной раз он и сам помогал мне в носке воды, играючи таская по два ведра воды, как заведённый. Бани с паром у Савелия не было, как впрочем, и туалета. Туалет был «природный».

Я никак не мог понять, сколько ему лет. Приблизительный диапазон был таков: от сорока до восьмидесяти. На мои вопросы относительно возраста он не отвечал, только улыбался. И я отстал. Да и не в этом было дело.

Летом мы отправлялись в лес на несколько дней, а то и на пару недель. Мы беседовали, собирали грибы и травы – дед был в них большой спец. Это был заповедник, его территория была довольно обширна, и казалось, мы исходили его вдоль и поперёк. Зимой, долгими вечерами, сидя у очага, продолжались те же разговоры. По мере такого течения времени постепенно у меня складывалось представление о нём, первоначально ошибочное. При первой встрече я был уверен, что судьба свела меня с малограмотным отшельником, эдаким «лесовиком».

Савелий часто отлучался сам, строго настрого запретив мне ходить в деревню самому. Да и честно говоря, меня не тянуло, хотя по логике я должен бы нуждаться в общении. Летом он ходил пешком, набив рюкзак «гербарием» – врачевание в окрестных деревнях приносило ему кое-какой доход. Зимой – на лыжах. Возвращался Савелий с продуктами, самыми необходимыми: соль, спички, хлеб и прочее. Мясо он тоже доставлял из деревни – ружья у нас не было. Это была загадка – где и как оно хранилось? Ведь вся готовка была на нём, и Савелий не допускал меня до «святого». Загадка разрешилась, когда я впервые побывал в погребе. Это было настоящее чудо инженерии.

Погреб был «двухэтажный». Нижний этаж представлял собой ледник с весьма искусно устроенной системой водостоков и вентиляции. Даже в самое жаркое время крышка ледника была подёрнута инеем. На мои расспросы дед туманно объяснял что-то о многослойном покрытии грунта и о досках, из которых была сделана дверь в погреб.

В общем, в этом самом погребе всегда было холодно. Но моё воображение в первый раз поразило ещё и другое. На полках стояли банки и бочонки с соленьями, вареньями и приправами, с диким мёдом, грибами. В отдельном месте – капуста, морковь, лук, чеснок. Под потолком, вперемишку с пучками травы, назначенной защищать от гнили, висели кольца колбас и вяленая рыба. И всё это не портилось и хранилось почти всё лето.

Стоя в этом царстве припасов и пуская слюну, я ощущал довольно приличный холодный сквозняк.

Что касается дикого мёда, то дед добывал его самолично. Как он это делал – мне известно не было. Однажды я застал его за необычным занятием, отчасти проливающим на это свет.

Я вернулся из своего обычного похода за водой. Недавно прошёл дождь, и обувь, намокшая от росы, требовала просушки. Я разулся и поставил сандалии на крыльцо. Савелия не было видно во дворе, но я знал, что он недалеко. Обогнув дом, я нашёл его у края леса.

Он сидел на корточках возле небольшой разрытой ямки, что-то доставая оттуда. Я подошёл ближе.

Он сосредоточенно доставал из ямки шмелей – руками! И пересаживал их в норку, вероятно устроенную им же, искусственно.

Я хмыкнул. Он не обратил на меня ни малейшего внимания, продолжая доставать маленьких «шмелят». Они вырывались, но он настойчиво совал их в «новый дом».

– Здесь их заливает. Я повыше им сделал нору-то. Вот. Здесь сухо будет им.

Шмели, видимо, уже привыкли к такому обхождению с его стороны, и принимали новый дом хорошо. Некоторые уже сами залетали внутрь.

Так он обходился со всем остальным миром живых существ, обитающих в лесу. Змеи, мыши, совы и ежи, зайцы словно и не замечали его вовсе: сновали под ногами, птицы садились на голову и плечи. Каждый день мы обедали с ним во дворе, летом вынося струганный стол на траву. И каждый день прилетала сорока. Она садилась прямо на стол, выпрашивая кусочек. И дед кормил её. И только когда она норовила залезть в его тарелку, дед Савелий осаживал её негрубым словом.

Так я прожил зиму, лето и следующую зиму. За это время никто из посторонних не появлялся у нашей избушки, хотя до деревни (по моему мнению) было около трёх километров. Зимы мы пережили в достатке, «затарив» осенью погреб запасами доверху.

Наступила весна. Весной Савелий брился, обрастая за лето бородой, как раз к холодам. Зеркал в доме не было, и он брился, глядя в бочку с водой. Мне же было разрешено иметь маленькое зеркальце для этих целей.

Так вот, дед брился, напевая бессмысленную песенку:

– Огнём приро-о-ода обновляется вся-а-а!

Я подошёл к нему.

– Савелий, что это за песня?

Он настоял, чтобы я называл его именно так – Савелий. И добавил: «А ещё лучше – Сава. Краткость – сестра таланта. И ума, да»

Но я остановился на Савелии, не желая называть его этой полутюремной кликухой – он внушал мне какое-то необъяснимое уважение. Просто своим присутствием, даже когда молчал. От него исходила совершенная чистота и какая-то завершенность, что ли. В нём не было ничего лишнего. Нет, я не об одежде говорю.

Он не суетился. Все его движения были точны и совершенны. Его старческая немощь была, пожалуй, некоей маскировкой – так мне казалось. Голос был ясен и чёткий, и в его речи не было «паразитов». Мысль всегда выражалась предельно кратко и понятно. Хотя большее время он всё же молчал, да.

Нашим городским политикам следовало поучиться у деда. Уже пора им идти в народ, в лес, пора...

– Это песня одного еврейского мальчика. Он умер потом. На кресте.

Глубина его познаний в истории и квантовой физике постоянно ставила меня в тупик. Я чувствовал себя в таких случаях профаном-студентом у мудрого профессора на экзамене. Он закончил своё бритьё и стал похож на мужчину средних лет. Только грубая рубаша старила его, а джинсы приводили в замешательство.

– Рубаша чистая, и штаны тоже – сказал он.

Все мои мысли были для него открытой книгой, и я начал привыкать к этому. Да и скрывать было нечего. В принципе, мы могли с ним и не разговаривать вовсе – общение без слов было вполне возможным. Он спрятал бритву в сумку, и, кивнув мне, направился к поляне за забором. Я последовал за ним.

Весенние травы уже покрывали тёплую землю. Мы уселись прямо на траву, друг против друга. Запах пьянил голову – после зимы это было особенно приятно. Из всех цветов я знал только одуванчики, хотя были и другие – синенькие, красенькие. Дед словно ждал, когда я надышусь.

– Николай, а ты помнишь, как пришёл сюда? – сказал он.

– Ну да, конечно помню.

Дед сощурился ехидно.

– И как избушка появилась?

Я смутился. По правде говоря, появление избушки я отнёс к временной потере зрения, усталости и проч.

– А она действительно появилась?

Повалившись на траву, Савелий расхохотался. Насмеявшись, он посмотрел на меня. У меня был довольно обиженный вид, и это рассмешило его ещё больше. Наконец, он сел, и, видимо, желая приободрить меня, похлопал по плечу.

Обида проходила. Ободряюще кивнув мне, он вдруг прикоснулся большим пальцем правой руки к моему лбу и быстро провёл ладонью по воздуху, сверху вниз, прямо передо мной.

Я огляделся. Деревья, меня очертания, изменили и своё место. Избушка, стоящая слева от меня, тоже переместилась вправо. Земля, оживая, пошла волнами, наклоняя стволы сосен, разрезаясь на овраги и вздыбливаясь огромными холмами.

Всё пришло в движение. Только сам Савелий оставался на том же месте. Он по-прежнему сидел, скрестив ноги по-турецки.

Мне стало плохо. Горло перехватил спазм, и я почти не дышал. Внезапно вспышка света поглотила всё – поляну, деревья, дом, и самого деда Савелия. Она длилась доли секунды.

Тотчас всё «небо» озарилось ярким сиреневым светом.

Он был не просто ярким. Он был ослепительно сиреневым! Я никогда не видел, чтобы свет – цвет был таким. Он был совершенно неестественным.

Дышать стало легче. Спазм отступил, и я поднял голову. Сиреневый свет плавно переходил в голубой, а ещё выше – в синий, теряясь в небесах.

Справа от меня был огромный, метра два в поперечнике, зелёный столб. Столб уходил в небо. Его поверхность была покрыта продольными углублениями с впечатанными в промежутки выпуклыми шестиугольниками. Из него шёл какой-то приглушенный шум. Никогда не видел ничего подобного!

Вдруг всё это великолепное свечение заколыхалось, и сверху посыпались большие, величиной с грецкий орех, ярко-жёлтые «шарики». Их было множество. Они издавали запах, напоминающий цветочный. Шарики замедлялись, плавно опускаясь.

Тут я заметил, что сиреневый «свет» является поверхностью. Можно было приблизиться и определить на ощупь. Намереваясь осмотреть дорогу, я глянул вниз.

Ног у меня не было!

Надо мной было небо. Плыли облака, и птицы реяли, срываясь вниз. Савелий склонился надо мной, заслонив видение неба. Я встал.

– Что... Где я был, Савелий? – спросил я, отряхивая с головы пух одуванчика.

– Ты? Ясно дело – в цветке.

– Как это – в цветке?

Я отчётливо помнил увиденное. Сомнений никаких не было. Сине-сиреневые лепестки, пыльца... Ну да, в цветке. Это же так естественно – взрослый мужик залезает в цветок. Он обычно так и делает весной.

– Твоя беда в том, что ты воспринимаешь мир линейно, в одной плоскости. То есть мир вот такой. Он материален. Он – твёрдый. Иногда жидкий и газообразный. Вода – мокрая. Сыр – вкусный. Всё состоит из атомов. И так далее. Так тебя учили.

– А разве не так, Савелий?

– Нет.

Мы шли к избе. Дед молчал, шагая впереди меня. Он замедлил шаг только перед порогом. Затем резко обернулся.

– Тебе тридцать два года, и в тебе семьдесят пять килограммов. Ты был в цветке?

Я молчал. Но дед смотрел прямо мне в глаза.

– Савелий, но это же был какой-то фокус, да?

– Может быть, может быть. А ты как думаешь сам? Как ты залез туда?

У него была точь-в-точь такая же интонация, как у героя старого фильма «Волшебная лампа Аладдина»: «Мубарек, зачем ты залез в кувшин?» Мы вошли в дом, и он усадил меня на скамью. Сам сел прямо на пол. Не дожидаясь моего ответа, в котором в общем-то и не было нужды, стал говорить:

– Учёные уже давно упорно работают в области элементарных частиц. Мезоны, гипероны, бозоны. Казалось бы, что с того? Найти самую элементарную частицу – вот задача. Такую частицу, мельче которой уже не было бы. Зачем?

Она – основа всего. То, из чего создана материя. Она – сама материя.

Эта эмпирическая частица последняя в ряду. Дальше её – уже энергия идёт.

Известно также, что такая частица пока не открыта. Иные и вовсе сомневаются в её существовании.

Но мало кому известно, что всё же такая частица была открыта, только никто не заметил этого исторического события. Кроме старика Эйнштейна.

Фотон, движущийся со скоростью света, претерпевает любопытные изменения. В любой бесконечно малый отрезок времени он является либо электроном, либо электромагнитной волной. То есть – либо материей, либо энергией. Эйнштейн пришёл к выводу, что фотон и есть та самая частица, стоящая на границе энергии и материи. Кирпичики, из которых состоит вселенная. Другими словами, материя – это фотоны, свет. А свет, как известно, это то, посредством чего мы видим, воспринимаем весь мир.

Но тогда получается, что материи не существует, есть только свет, только он и реален.

Все последние работы Эйнштейна были изъяты, а сам он объявлен сумасшедшим. Это было не слишком открыто, но всё же очень умело, да. К чести спецслужб того времени.

Я был поражён. Никогда ещё Савелий не говорил так много! Между тем, он продолжал:

– Что это значит? Материи не существует в том понимании, к которому мы все привыкли.

– А что же тогда... существует? – спросил я, пытаюсь хоть что-нибудь прояснить.

– Существует наше восприятие, наше сознание. Оно-то и «создаёт» материю, мир. Мир – это свет, который мы видим. Или хотим видеть.

– Я где-то уже слышал что-то подобное: «Стол – это не стол. Это иллюзия»....

Дед зло посмотрел на меня.

– Мир – это не иллюзия. Это реальность. Всё, что мы видим – реальность, даже если она и не сообразуется со здравым смыслом.

Он помолчал немного.

– Но для нас с тобой главное – не это. Главное то, что световые волны служат для описания вероятности появления в данном месте фотонов; частицы вещества в свою очередь управляются величиной, имеющей волновой характер. Постоянная Планка управляет величинами в обоих случаях. Проще сказать, энергия управляет материей, а материя – энергией. А так как мы установили, что это – одно и то же, и всё сводится к восприятию, то задача ещё более упрощается. Ничего не стоит управлять восприятием – как своим собственным, так и чужим. И заметь, всё это будет абсолютной реальностью.

Я был подавлен.

– Так ты так и сделал? Управлял моим восприятием? Но я всё равно не понимаю, как...

– Как? Конечно же, с помощью постоянной Планка! – дед Савелий покатился со смеху.

Я сидел напротив и пытался связать сказанное им в какую-либо стройную систему. Это было сложно сделать, поскольку я столкнулся с новой, неизвестной мне доселе логикой. Мне хотелось спорить:

– Но ведь есть реальность, а есть иллюзия... Где кончается одно, там начинается другое – это разные понятия!

– Хорошо, объясню тебе по-другому. Я вкладываю другой смысл в эти слова. Тебя учили, что мир существует независимо от того, существуешь ли ты в нём, или нет. Отчасти это так. Дело здесь в том, что подразумевается под этим словом – мир. Тот мир, к которому ты привык – из атомов, молекул, твёрдый и предсказуемый – *не настоящий*. Это я так говорю для того, чтоб ты понял суть. Я говорю – не настоящий, но это не иллюзия. Но ты уверен, что видишь его, и именно потому, что он – есть. Всё так бы и было – если бы существовала материя.

Я постепенно запутывался всё больше и больше. Между тем, Савелий продолжал:

– На самом деле всё как раз наоборот. Мир, этот мир, к которому ты так привык, является не источником, а продуктом твоего восприятия. Он вторичен. Ты желаешь его видеть таковым, и он таковым становится. Ты его *создаёшь*, ты – и многие другие. Он – коллективный продукт желания миллиардов людей. Когда ты родился, рос, и тебя *обучали* – ты принял условия восприятия, тебе предложенные. У тебя просто не было иного выхода, пришлось довольствоваться предложенным – за неимением альтернативы, да. Тебя заставили видеть мир таким. Всё, что так создано – абсолютная реальность. А иллюзия – это другое. Это то, чего нет.

Но ты можешь не согласиться с этими условиями, навязанными тебе обществом, и тогда реальность станет другой. И это не будет иллюзией. Более того, ты можешь отменить соглашение для сознания другого человека, или даже группы людей. Но для этого нужна немалая *сила*.

Я размышлял некоторое время. Потом спросил:

– Ты говоришь, что мир – настоящий мир – не такой. Тогда какой же он, Савелий?

Дед помолчал, глядя на лютик.

– Мир – это свет. Ты ещё увидишь его.

Так началось моё обучение.

Глава 6.

Почти всё лето мы провели в лесу. Вернее сказать – я провёл всё лето в лесу, а дед Савелий только руководил этим процессом. Этот процесс он называл полным очищением. Я должен был очистить сознание от всей «шелухи» – так Савелий называл мой образ мыслей, да и образ жизни заодно. И, надо сказать, не без великого труда я преуспел в этом.

Я подолгу находился один, среди деревьев и лесных обитателей, питаюсь тем, что посылала матушка природа. Дед Савелий навещал меня, непостижимым образом всегда определяя безошибочно моё месторасположение в самой глухой чаще. Он приносил «вкусненькое» – варёный картофель и хлеб. Постепенно всё городское развеивалось в голове, и на свободном

месте возникали новые, подчас звериные чувства и ощущения. Я слушал ночные шорохи, крики птиц, я чуял запах зверей. Я стал хорошо видеть в темноте. Но главное было то, что через какое-то время я совсем перестал размышлять – жевать эту бесконечную мысленную «жвачку» о бессмысленных делах и проблемах. Их просто не стало. Но я мог и запускать этот процесс по своему желанию снова.

Сознание стало чистым и ясным.

Достигнув этого (по настоянию деда), я обнаружил в себе некие доселе неизвестные способности. Например, я стал слышать, как движется сок по стволу дерева, как открывается сердечный клапан у полёвки под толщей земли в норе, а полёт летучей мыши меня просто оглушал – у неё был слишком мощный эхолокатор...

Я видел тёплые волны ночного леса, его волю, намерения. Рысь, подстерегающую добычу – её *желание* убить. Огонь сознания совы, преследующей полёвку. Страх полёвки был малинового цвета. И я ощущал всё это не умом, а как-то животом, что ли. Я необъяснимо менялся.

Это новое чувство разрывало сердце надвое и страшно пугало меня. К осени я вернулся на хутор Савелия в надежде, что там всё войдёт в наезженную колею. Но мои ожидания оказались напрасными – лес что-то изменил во мне совершенно бесповоротно. Я стал другим. Я видел, и эта способность видения упрямо не исчезала.

И только сам дед Савелий остался для меня непроницаемым совершенно, как стена.

Я набирался сил и отдыхал целую неделю, а Савелий занимался хозяйством.

Он был доволен, оглядывая меня.

– Ты всё это умел и раньше, только не замечал, не придавал значения. Сейчас ты можешь видеть и слышать, но пока не умеешь действовать. Это ишо всю зиму учить будем.

Я посмотрел в бочку с водой и отшатнулся – густая борода, спутанные волосы и впалые щёки. Горящие безумным огнём глаза.

...В ноябре начались морозы. Я перебрался в избу, и мы начали временами протапливать её на ночь. Первое время я дивился отсутствию бани на хуторе, но Савелий мне объяснил это.

– Нагреть-то воду можно, если хочешь. Но париться я не парюсь, и тебе не совет.

– Почему, Савелий? Ведь париться – полезно!

– Э-э-э, как сказать, да. Ну, конечно, для тела – полезно, согласен. Но вот для головы парная – сушая катастрофа. Когда ты паришься, идёт активное выделение влаги из тела, да. И из головы – тоже. А мозг-то состоит на 90% из воды! И потеря воды для него – беда, ох беда. «Усыхают» мозги-то в парной. И после организм вынужден восстанавливать водный баланс мозга целую неделю, вот. А до той поры человек – дурак дураком. До следующей бани-то. А у нас с тобой мозг – инструмент основной, факт.

Он помолчал, пряча улыбку.

– Нет, если тебе мозги без надобности – парься, сколь хошь.

Как у многих городских жителей, у меня был хронический насморк, кашель курильщика и прочее, и прочее. Савелий вылечил всё это махом. Первое, что он сделал – заставил искупаться меня в роднике.

Озерцо было покрыто тонким слоем льда, ручей вырывался из-под него, порождая иней и новую ледяную корку. Я умоляюще посмотрел на Савелия.

– Давай, давай, ныряй, отрок! – он легонько подтолкнул меня в спину.

Я разделся. Сразу появилось ощущение близости часа смертного. Снег жёг пятки, и стужа мигом скрючила моё тельце. Было градусов восемь мороза – жутко холодно. Я с силой ударил ногой по льду. Панцирь хрустнул, и синяя нога погрузилась в воду.

И тут Савелий саданул меня в спину, и я полетел прямо в озерцо.

Брызги с льдинками фонтаном взлетели на берег. Ужас обуял меня – тысячи игл пронзили плечи, живот, руки. Но вода оказалась тёплая. Вернее, она ощущалась, как тёплая – ноль градусов. На воздухе-то было холоднее.

Продержав в воде пару минут, Савелий погнал меня в избу прямо нагишом.

После нескольких сеансов такой «терапии» я с удивлением обнаружил полное наличие отсутствия какого бы то ни было насморка и кашля. Курить я тоже бросил. Сигарет просто не было, и через два-три дня мучений я забыл про них. Конечно, я понимал, что это просто необходимо сделать – тут слов нет. И поэтому пресекал беспощадно любые поползновения ума, тщательно предавая забвению все воспоминания о табаке.

Турник вошёл в мои повседневные деяния. Поддержание здоровья, по утверждению деда Савелия, было необходимо не для самого здоровья, а для успешного прохождения второго этапа моего обучения – *действия*.

Мы сидели в избе у Савелия. Надо сказать, что внутри жилище деда оказалось такое же экзотическое, как и снаружи, даже более того. Первое, что бросалось в глаза – это печь. Она стояла не в центре, как обычно, а у стены, и напоминала камин, если бы не узкая топка. Печь была отделана изразцами, что было явно роскошью для такой глуши. Во всю избу на полу лежал ковёр. Я не разбираюсь в коврах, но он создавал впечатление дорогого. Балки перекрытий не были скрыты – они были тщательно обработаны, открывая естественный рисунок дерева. Промежутки между балками были выбелены на совесть. Стены обшиты гладкими досками, так же, как и балки, они были «живыми» – без лака и олифы. На большом, с рамой – крестом, низком окне штор не было. У окна стоял струганный грубый стол, на вид мощный и крепкий, у глухой стены – кровать, тоже «плотная», но из тёмного дерева. Вероятно, и вся остальная мебель тоже была сработана самим дедом – скамья, четыре стула, тумбочка и полка над ней. Большая, до самого потолка, многоуровневая полка была вся сплошь заполнена книгами. Книги – разные, в основном – научные труды по физике, химии, биологии, ботанике, философии, истории, географии. Хорошая половина книг – древние, иные на иностранных языках.

И ни одной художественной.

Ещё был сундук и шкаф, кухонный, с посудой и небольшим столом для приготовления пищи. Изба была довольно большая, и вся эта мебель не переполняла её, создавалось ощущение простора. Только одна вещь в избе была совершенно непонятна мне.

Около печи висела железная цепь. Она выходила из круглого отверстия в потолке и уходила в точно такое же отверстие в полу. Дед упрямо молчал в ответ на все мои расспросы о назначении этой цепи.

Жилище людоеда.

Дед Савелий сидел на кровати, поджав под себя ноги. Я расположился прямо на полу, рядом.

– Ты должен создать другую реальность. Отбрось всё, что принадлежит этому миру – мысли, чувства, восприятие. Весь секрет в том, что ты должен поверить в то, во что верить невозможно. Здесь и учиться ничему не надо – твоё тело, твоя информация, заложенная в твои гены, сделает всё сама. Как только ты научишься верить фотонам, из которых состоит твоё тело, так и закончится твоё обучение. От уровня концентрации будет зависеть и уровень реальности. А сейчас собери сознание в одну точку, и помести её вне себя. *Там будет то, что ты создашь*. И не будь таким напряжённым.

Я расслабился. Постепенно мысли смолкли, и комната стала принимать иные незнакомые очертания. Прямые линии стола, потолка стали двоиться, стены приобрели хрустальную прозрачность. Причудливая структура их заструилась перед глазами. Под полом был подвал, на чердаке я видел сваленные доски и странную конструкцию из блоков и шестерён. За стенками кухонного шкафа горками стояли тарелки. В простенке у печи кралась мышь.

Ничего не получилось. Я просто видел, сверхъестественно, и не более того. Ничего не происходило.

Не получалось на второй, и на третий день. И на десятый. Я нервничал, а дед был невозмутим.

– Ты всё знаешь, – отвечал он на мои ссылки на незнание. – Просто ты не веришь, и всё. Поверь в тот мир так же, как ты веришь в реальность этого. Упрямец!

Через две недели всё повторилось. Мы сидели в комнате, я – на полу, дед на кровати.

Всё повторялось. Стены стали прозрачными, я даже стал видеть двор сквозь них. И вдруг я услышал ясный щелчок.

Чего-то не хватало в обстановке. Я осмотрел снова комнату и обнаружил отсутствие кухонного шкафа. И ещё – не было цепи.

Что-то изменилось. Я повернулся, чтобы спросить Савелия.

Деда не было на кровати. Он исчез...

– Открой глаза! – услышал я его голос.

– Они открыты, – я не понимал.

– Только подумай об этом!

Я повиновался. Глаза были действительно закрыты. Я увидел комнату. Всё было на месте – и шкаф, и цепь, и дед тоже.

– Савелий, у меня получилось?! – радостно завопил я.

– Пока только немного, да. Твоя задача теперь в том, чтобы делать это по щелчку пальцев. Так то! Тогда и скажу, что получилось. Теперь иди рожу в бочке умой, а то и вовсе «крыша» поедет. Она у тебя ещё сла-абая. Да быстрее, ужинать будем.

Глава 7.

Мы занимались этими «фокусами» до самой весны. И в начале лета Савелий сказал, наконец, что я «научился». Отмечая это событие чаепитием с липовым мёдом, мы сидели на лужайке за столом.

– Ты готов к третьему этапу, – дед наливал себе уже третью чашку.

– К какому – третьему? – я думал, что я уже круче самого Копперфильда.

– Ты пока умеешь менять реальность для себя. Это и любой наркоман умеет. Что тебе с этого?

– А что же, можно и для других? – сказал я и тут же вспомнил фокус с цветком. Это выскочило из головы.

Тренируясь всю зиму в избушке, я стал чувствовать ещё что-то, совершенно не похожее на сверхвидение. Я как бы не существовал в привычном статусе. Я чувствовал ток крови в жилах, пульсацию клеток и ядер. Под контролем были все нейроны и импульсы. Я превращался в некую «систему» информации и связи, прозрачную и дрожащую, без тела и мысли. Бесформенное аморфное существо. Пульс при этом увеличивался, как мне казалось, до миллиона ударов в минуту.

– Это не пульс, – объяснил дед, – это вибрации твоего организма. Частота их увеличивается в несколько тысяч раз, когда ты занимаешься. Пульса ты не чувствуешь – он, как и твоё тело, остаётся в прежней реальности.

До меня дошло.

– Поэтому я и тебя перестаю видеть?

– Я остаюсь тоже в прежней реальности. Новую ты создаёшь только для себя. Эвон, видишь косулю?

Я посмотрел за забор. На краю опушки стояла косуля, метрах в пятидесяти от нас.

– Попробуй сейчас. Создай её реальность *для себя*. Стань ей! И тогда создай реальность *для неё*. Пусть для неё станет реальностью крадущийся волк. Пусть она почувствует его запах, почувствует опасность и страх. Стань косулей! Ты знаешь, что делать.

Теперь я понимал, что бесполезно о чём-то думать, что-то понимать, и, сообразно логике, действовать. Не было никакой логики. Логика – бред, она вредна. Когда ты убиваешь в себе логику, то открывается путь для естественного течения Энергии. Он был всегда, он есть и всегда будет. Только наше «городское» сознание изо всех сил мешает, блокирует его. Мы сами, по доброй воле, отрезаем себе органы чувств, духовно кастрируя себя, обрастая непробиваемой скорлупой, отгораживая себя от Мира. Нам всем нужно было немного свихнуться.

«Открой сердце своё, и тогда я войду в него...».

Хотелось пить. Я двигался осторожно, ежесекундно напрягая слух. Поляна – открытое место, а значит – очень опасное. За ней, шагах в пятидесяти, была вода, и я знал это. Неясное препятствие мешало по кратчайшему пути пересечь поляну, и я, перебирая копытами, огибал её по краю. Так было *безопаснее*, и «препятствие» не излучало тревоги.

Внезапно я почувал запах. Он исходил из центра поляны. Он был знаком, этот запах.

Хищник!

Удар был внезапным. Животный ужас пронзил меня насквозь, спазм парализовал сознание. В доли секунды инстинкт напряг мои мышцы до предела, и я метнулся в лес....

Я пришёл в себя. Капли холодного пота выступили на лбу и руках. Дед сидел за столом и пил чай.

– Ты справился. Но только ты должен сделать ещё кое-что.

– Что же?

– Сделай это по щелчку пальцев!

...Почему я пришёл сюда? Не лучше было бы вернуться в город? Или из двух зол я выбрал меньшее? Я думал об этом всё это время, и не потому, что этот вопрос особенно мучил меня – такова природа человека. И дело было не в том, что в городе всё нужно было начинать заново – и место обитания, и средства к существованию являли из себя проблему. Во мне что-то изменилось. Тот, второй, что жил во мне, взбунтовался. Доколе? Доколе быть рабом? Это стало вопросом жизни и смерти, и этот «вопрос» исчез, растворился в ветвях деревьев, в глазах Савелия, в страхе косули.

Огнём природа обновляется вся....

За время обучения тот, второй, полностью выжил, выдавил меня прежнего из моей брэнной оболочки. Савелий что-то сделал со мной. И я был рад этому. Я ощущал невероятную *силу*.

Огнём природа обновляется вся....

Моим существом стала Свобода. С каждым днём, с каждым месяцем она росла, и я уже не понимал себя прежнего. Я перестал приходить на хутор, проводя всё время в лесу. Стремительно пронеслась сквозь заросли лань, ловил холодные струи воздуха орёл, парящий в вышине. Я был ужом, и, принимая изгиб камня, грелся в лучах заходящего солнца. И серебристой рыбой в заводи ручья.

Жизнь вошла в меня. Я слушал Закон Жизни, бегущий в венах волка и в грации мотылька.

Я был им. И мыслей больше не было. Всё, что мешало жить, отпало, как шелуха, как опадают лепестки с завязи цветка. И он уже не цветок – он плод.

Я больше не принадлежал этому маленькому миру, который люди называют Вселенной. Место, где я существовал, было гораздо больше, чем Вселенная. Я не знал, как это назвать – Мегавселенная? Это не имело никакого значения, и более не заботило меня.

Я стал слышать голос. Голос говорил со мною, поясняя немногие события и чувства. И я обеспокоился.

– Тебе пора перестать уже беспокоиться, – сказал Савелий. Я подошёл к нему, выйдя из леса. Он готовил коптильню.

– И побрейся уже. Ихтияндер.

Я уселся на колоду, наблюдая за действиями деда. Он аккуратно укладывал чурки на дно бака. Колбасы, приготовленные, лежали на тряпице, расстеленной прямо на земле. Он всё делал в высшей степени аккуратно.

– Это голос Страйдера.

– Кто такой Страйдер? – спросил я.

– Никто. Сознание без тела. Дух, живущий в бесконечных уровнях миров. У него много имён. Хранитель, Наблюдатель, Миссионер, Хозяин. Раз уж он с тобой заговорил, значит – ты достиг кое-чего, да.

– Постой! Хозяин – это дьявол, да?

– Да не бойсь ты. Кроме как говорить, он и не делает-то ничего. Басней церковники напридумали. Здесь другое – тебя могут заметить.

– Кто?

– Думаешь, ты один такой урод? Однако известность не входит в наши с тобой планы.

– Какие ещё планы, Савелий?

Он промолчал.

– Готовься к четвёртому этапу.

«Огнём природа обновляется вся...».

Глава 8.

– Но почему ты учишь меня? Что тебе с того, Савелий? – спросил я его однажды.

– По двум причинам, – сказал он, помедлив. – Первая – я должен исполнить назначенное мне. Это моя миссия, я не волен тут.

– А вторая причина?

– Вторая – время моё на исходе. Тело моё старо, и никому не дано быть бессмертным.

Скоро ухожу, и должен обучить тебя, пока есть *сила*.

Он помолчал немного. Задумавшись, он вдруг встрепенулся.

– Есть ещё и третья причина.

– Но ты же сказал, что их – две?!

– Да, но третья принадлежит тебе. Ты должен исполнить свою миссию, используя те знания, которые я тебе передал. Нужно спешить, да. Всадники уже близко....

...Мы сидели на крыше избы. Я держал мешок с черепицей, а Савелий, сидя верхом на коньке, менял треснутые фрагменты кровли. Закончив работу, он взял у меня из рук мешок и тихонько пустил его вниз, прямо на землю. Черепица, вопреки законам физики, не грохнулась, а плавно опустилась, не издав ни звука. Он повернулся ко мне.

– Не будем слезать покамест.

Лес закрывал линию горизонта. Но я знал, что там, за лесом, есть деревня, трасса, город. И люди.

– Всё в мире взаимосвязано и взаимозависимо. Это старая истина, да. Но ты должен знать, что представляют собой эти связи. Они вполне реальны. Это пути, по которым движется энергия, информация. Ну, и сознание. Всматривайся в дали голубые. Расширь своё восприятие. Забудь о своём теле, ведь ты есть свободная чистая энергия. А действию ты уж обучен, да...

И я переместил внимание вдаль. Концентрируясь на пространстве гораздо большем, чем лес, или двор, я вдруг ощутил, что сознание начало движение. Движение было вращательным – сначала медленным, но потом всё более быстрым. Всё слилось перед глазами в немислимый поток.

И я увидел... Я увидел!!!

Это была бесконечная сеть ярко сияющих нитей, уходящих вдаль. Их были мириады. Сознание распалось на две части. Я был одним и вторым одновременно. Одна моя часть неслась по этим нитям, озаряясь ослепительными вспышками света. Необыкновенная радость охватила всё моё существо – это было прекрасно!

Другая же часть оставалась на крыше. Я увидел и лес, и деревню, и дорогу. И город. И всё это происходило одновременно, сразу.

Я видел людей, проходящих по улице села, грибника, шарящего во тьме чащи. Он был совсем недалеко, в километре.

Что-то мешало. Я неуверенно определил помеху – это был купол. Едва заметный, он покрывал хутор и пространство вокруг него. Он замедлял моё действие.

Мы уже сидели во дворе, на крыльце.

– Савелий, а этот купол... – спросил я его.

Дед ехидно улыбался. Это было его «рук» дело, конечно же! Грибники и другие обходили поляну стороной, а если и попадали туда (тут ещё нужно было догадаться – как), то ничего не видели. Всё было просто – для них это была совсем другая реальность. Избушка, избушка....

В целях лучшего моего обучения дед убрал «купол», и я получил возможности.... Обнаружив Нити Мира, я получил неограниченные возможности! Это как ребёнок, которому дали в руки молоток и пустили в магазин посуды. Это как подросток в Интернете. Это.... У меня не было сравнений. Мне скоро наскучило просто *смотреть*. Жители Истока были, за редким исключением, скучны. Я пугал грибников, создавая на их пути то автомат газ – воды, то милиционера со свистком. Мне нравилось отключать зажигание в проезжавших по трассе автомобилях, или наоборот – прибавлять «газку». Но когда я устроил у деревни ниагарский водопад – на реке, где бабы полоскали бельё – терпение у Савелия лопнуло, и он вернул купол на место.

– Будя выпендриваться. Не шутки это.

Вскоре я почувствовал едва заметную перемену в настроении Савелия. Хотя он и был для меня всё время совершенно *закрытым*.

Четыре года я постигал здесь науку. Его, деда, науку. Как я это делал, судить только ему. Но эмоций у меня уже не было, и это тоже являлось свидетельством успеха. Я очень надеялся, что сделал всё, как он учил меня.

– Ты знаешь, что делать. Ты пришёл из того мира в этот за *силой*. Ты её получил. Когда возникла необходимость в этой силе, в тот момент ты и получил свой карт-бланш. И я умолкаю.

Когда вернёшься в Город, найди там Маркуса. Он тоже приходил на эту поляну, но он *другой*, не такой как ты. Может случиться так, что ты вернёшься сюда. Зачем? Может так стать, да. Но меня ты уже не найдёшь здесь. Это я знаю точно, да. Прощай.

Он повернулся и пошёл прочь.

Я хотел окликнуть его, но он исчез, растворился, как и не было его вовсе. До меня лишь долетели слова:

– Сгинуло имя твоё....

Но это были уже не его слова – со мной теперь говорил только Страйдер....

Разделитель.

Эти события произошли до 200N года. Я описал их так, как запомнил сам. Всё это действительно происходило со мной, хотя и может Вам показаться и бредом, и литературным вымыслом – я не стану возражать против любого определения.

Но то, что случилось после этого, ещё более удивительно. И это обстоятельство меняет привычный ход повествования – я не могу рассказывать об этом от первого лица.

Потому что, потому что....

Летом 200N года Меньшов Николай Иванович умер. Его не стало. Не стало смешного жалкого «совка» в шляпе и потёртом на локтях костюме.

Но природа не терпит пустоты. И его место было занято другим, о котором я могу говорить теперь только так:

Он.

Его никто не ждал. Он был лишний в Мире Золотого Тельца. Но Его появление потрясло до основания всю страну, изменив ход событий, остановив волю Сильных Мира сего. Почему же тогда об этом ничего и никому до сих пор неизвестно?

Вы сами поймёте, когда дочитаете до конца.

Властелин Реальности.

Глава 1.

Человек, как винтик общества, развивается под действием двух основных факторов. Первый – это гордыня, чувство собственной значимости, ощущение важности себя, присущее любому из нас. Это «первое» относится скорее к стороне чувственной, иррациональной, духовной. Второе – это уровень интеллекта, его качество. Это относится к рациональной стороне, и она более играет роль рассудка, понятного нам всем.

Если в развитии превалирует первая составляющая, а вторая – подавлена, то человек становится взрывным, эгоистичным, жестоким. Он меньше думает и больше подчинён эмоциям. Таковыми бывают преступники.

Если побеждает вторая – человек скромнен, им не овладевает гордыня. Мощный интеллект делает из него учёного, мыслителя, подчас пренебрегающего материальными благами.

Если же обе составляющие гармонируют, то это – властитель. Первая составляющая заставляет вторую работать, и они дополняют, стимулируют друг друга.

Вот три кита, три типа и три предела. Всё остальное же – вариации процентного соотношения.

Но есть ещё и *тип четвёртый*.

Он чрезвычайно малочисленный. К нему относятся те, которые умеют управлять этим процессом – процессом собственного развития. Конечно же, можно повышать свой интеллектуальный уровень вполне сознательно – правда, даже таких людей мало. Но не всем под силу формировать свои чувства. Корректировать, соотносить с интеллектом, где надо – исправлять, тормозить, ускорять....

Такие люди не вписываются ни в один из трёх типов. Они стоят *вне* классификации. Над ней. И это даёт им огромное преимущество.

Они никогда не выделяются, и не заявляют о своём существовании. Они всё время в тени. До времени...

Глава 2.

Игорь Валерьевич Ивлев идеально соответствовал именно третьему типу.

Финансовые ручейки, текущие к нему, постепенно превращались в речушки и реки, делая «Властелин» силой незримой и мощной. Обладая незаурядными организаторскими способностями, Игорь Валерьевич создал свою, совершенно оригинальную структуру своей организации.

На первом, стартовом этапе, собрав все наличные средства – все, которые имел – в один «кулак», он пролоббировал закон об обязательном страховании крупных финансовых операций, сделок и договоров. Это было нелегко, и Ивлев рисковал, поставив всё на карту – потраченная сумма была астрономической. Как только закон был принят, он тотчас получил лицензию на право страхования, «договорившись» с нужными людьми из Центробанка и Минфина. Но самое главное было иное.

Параллельно с этой была проделана и другая работа. Так же была организована фирма, оказывающая информационные и консультативные услуги. Она-то как раз и получила название «Властелин».

Всё было просто. Предположим, что некий завод желал заключить договор на крупные поставки своей продукции кому-либо. Согласно новому закону, он должен был застраховать свои действия – иначе сделка объявлялась незаконной со всеми вытекающими последствиями. Какие же это были последствия?

Крупный штраф соответствующего государственного органа. Срыв сроков оплаты, а то и реальная опасность не получить свои деньги вообще. Такие эксцессы за последнее время случались, и средства массовой информации изо всех сил раздували из них чудовищные фантомы повального страха.

Директор обращался в установленном порядке в банк страхователь, имеющий лицензию. То есть к Игорю Валерьевичу Ивлеву. Ивлев, конечно же, без промедления страховал сделку.

Но только в том случае, если предприятие перед заключением сделки проводило предварительную консультацию по наилучшему её техническому проведению. Это была теоретическая, пустая формальность. Но она стояла отдельным маленьким подпунктом в законе о страховании. Ивлев всегда рекомендовал одну фирму – «Властелин». Если же предприятие пренебрегало его рекомендациями, то сроки получения страховки затягивались по объективным причинам.

Первое время это были действительно технические консультации. Но постепенно, исподволь, они стали носить направленный характер. Предприятиям рекомендовалось заключать договора с такими-то, получать кредиты у таких-то – незаметно, уважительно и ненавязчиво. О, это был стиль Ивлева...

Назначались суммы за «консультации». Так же, как и страховые взносы, эти суммы были небольшие. Те, кто не желал платить, быстро оказывались в деловом вакууме, что было смерти подобно. Для Ивлева более важным аспектом на этом этапе были не реальные деньги, а возможность контроля над финансовыми потоками, власть над ними. Его интересовал контроль.

И вот что странно – дела тех, кто работал по схеме, устанавливаемой «Властелином», быстро пошли в гору. Гений Ивлева выправлял ситуацию, перенаправляя финансовые потоки.

Предприятий были тысячи. Расширяясь, заводы и крупные торговые объединения стали вкладывать свои средства в производство. Заработала система долгосрочных кредитов, у рабочих этих предприятий появились деньги. Коллапс промышленности замедлился.

Только «Властелин», маленькая гильдия консультантов, был незаметен, как вирус. Подвластные ему компании уже составляли тридцать процентов от общего числа. Но, как известно, ничего не происходит из ниоткуда, и другая часть страны приходила в упадок. Это не так бросалось в глаза на фоне вполне успешных, равномерно перемешиваясь и разбавляясь визуально.

Настоящий властитель не знает жалости и предела. Но Ивлев никогда не торопил события, но и не медлил. Его восхождение к вершинам было не плодом низкого местечкового тщеславия, а точным математическим расчётом. Он хотел не просто власти, а *абсолютной* власти.

Вскоре начался новый этап – уже третий. Ивлеву нужны были как воздух ключевые фигуры в правительственных структурах, а без них дело не шло. Их заполучил «Властелин» тоже на удивление просто.

Происходило это по следующей схеме.

Консультант встречался с представителем интересующей фигуры – ну, скажем, с доверенным лицом заместителя министра внутренних дел. Ему называлась сумма совокупного дохода замминистра – информационные службы «Властелина» работали очень эффективно и аккуратно. Консультант умножал эту сумму на десять, и в подавляющем большинстве случаев деньги делали чудеса. Тем более что и делать-то было ничего не нужно – просто получать эти деньги. Регулярно, ежемесячно. И лояльно относиться ко всем благим намерениям «Властелина». И всё.

По мере роста этого мега-паразита от экономики под его влияние стали попадать и низовые структуры власти. Управленческие аппараты республиканских, губернских, городских вла-

стей. И сам «Властелин» обзаводился филиалами на местах. К слову сказать, аппарат сотрудников в нём был небольшим. Фактически на Ивлева работали миллионы людей, и всем этим управлял крохотный «Властелин».

Это было его ноу-хау.

Начался «передел сфер влияния», как утверждали СМИ. На деле же просто «Властелин» пошёл в наступление. Он достиг зрелости, исподволь задуманной и рассчитанной Игорем Ивлевым. К этому времени оставались «очаги» сопротивления, доставляющие достаточно серьёзные хлопоты. Слишком самостоятельные предприниматели, не подчинившиеся ему, покупались, или уничтожались физически, иные подвергались аресту и заключались в тюрьмы по решению судов. Простые люди, случайно попавшие в эту чудовищную мясорубку, были незаметны, как муравьи под каблуком – о них никто и не вспоминал.

Бандиты и мелкие отморозки чувствовали себя в этой среде вольготно. Участились случаи грабежей, квартирных краж, и насилие стало обычным делом. Правоохранители не слишком отвлекались на эту ситуацию – милиция в тандеме с «Властелином» вела жесточайшую войну с крупной мафией. Влиятельные люди, стремительно теряющие прибыльные сферы, бились насмерть с силовыми структурами «Властелина».

Положение в стране вызывало тревогу в правительстве, но её неустанно сглаживали подконтрольные «Властелину» высокопоставленные чиновники. В их задачу входила дезинформация по поводу истинной расстановки сил в экономике – то есть причин, породивших всё это. На фоне решительных действий органов внутренних дел это было достаточно несложно делать.

Чудовищный спрут – «Властелин» – уже вплотную подошёл к контролю пятидесяти процентов экономики. Непокорные ещё сопротивлялись, делались запоздалые попытки объединения в коалиции, но все уже понимали, что время упущено. Возмутить, всколыхнуть общественность не представлялось возможным – о СМИ, как о силе, никто всерьёз и не помышлял.

Это был молниеносный и поистине ошеломляющий блицкриг.

Глава 3.

Холодный октябрьский ветер гонял по асфальту банку из-под пива. По улице шёл человек без головного убора в распахнутом кожаном плаще, накинутом прямо на лёгкую рубашку.

На ветер он не обращал внимания. Судя по уверенному шагу, незнакомец хорошо знал этот район Москвы.

Быстро темнело.

Улица была освещена плохо – горели три фонаря из двух десятков. Редкие прохожие и машины вполне удачно делали этому месту имидж заброшенной окраины. Мужчина свернул в узкий проулок, видимо зная свой путь наверняка. Этот проходной двор вёл к студенческому городку.

Пройдя через тёмную арку, он оказался на более-менее освещённом месте. Посреди замусоренного двора, каких в Москве тысячи, стояла беседка, и над ней, на фонарном столбе, ветер качал одну единственную лампу.

– Эй! – послышался окрик из глубины беседки.

На мужчину он не произвёл никакого эффекта – он продолжал своё движение. Но на выходе из двора, в следующей арке ему уже преграждали путь трое молодых людей, у которых явно не было намерения пропускать мужчину дальше.

Молодые люди были одеты в джинсы и кожаные куртки, от них сильно пахло спиртным. Обилие цепочек, подвесок и всевозможных брелоков должно было говорить окружающим о чём-то, что принято в их обществе.

Со стороны беседки к арке приблизился ещё один участник предстоящей «беседы». Рослый парень в распахнутой куртке и бейсболке, с золотой коронкой на переднем резце. На пальце он крутил какой-то брелок с ключами.

«Вожак», – подумал мужчина.

Парень подошёл вплотную.

– Ты что – глухой, дядя? – спросил он.

...

– Я сказал, ты что – не слышал? – парень дыхнул на незнакомца алкогольной волной.

Незнакомец молчал.

– Да ты к тому же и немой?

Обладатели бижутерии заулыбались, загораживая выход.

– Да не трясись ты так, дядя. Бабки есть? Давай, гони бабло, вытряхивайся из пальта, и всё. Можешь чесать к своим сопливым детишкам, живой-здоровый.

Мужчина продолжал молчать. Холодный ветер теребил густые, чуть с проседью волосы. Прошло секунд десять.

Студенты переглянулись.

– О-о-о, – протянул «вожак». Он вынул руку из кармана. Раздался щелчок, и в свете фонаря блеснуло узкое лезвие выкидного ножа.

– Мужик, не зли меня. Давай, давай, быстрррро.

Незнакомец устало вздохнул, чуть приподнял руку и щёлкнул в воздухе двумя пальцами.

Что-то случилось. Тот парень, вожак с ножом, что-то увидел.

Это был свет. Словно опомнившись и вскинув руку, он мгновенно отбросил нож далеко в кусты. С искажённым от увиденного лицом, как спринтер, он рванул в сторону беседки. Его друзья стали медленно поднимать руки.

– Да мы ничего, ничего не делали, начальник, – сказал один, – ну мы пошли, да?

Они, пятясь, стали удаляться, и, переходя на мелкую рысь, скрылись.

Вскоре всё стихло. Ветер, одиноко гуляя по пустой арке, подбрасывал обрывки грязной газетной бумаги и пел свою осеннюю песню.

Мужчина поднял выше воротник плаща и направился вглубь дворов, не обращая внимания на яркий свет, бьющий ему в спину.

Там, на въезде во двор, стояла, слепя фарами и проблесковыми маячками, милицейская машина с типовой надписью на жёлтом борту: «ППС-37, г. Москва. Телефон 555-13-69». Мотор работал, его звук становился всё тише, и тише, и по мере того, как мужчина удалялся, очертания машины размывались и таяли.

И вскоре она исчезла совсем.

...Около девяти вечера мужчина вошёл в подъезд общежития №5, принадлежащего МГТУ. Он незаметно проскользнул мимо вахтёра, и, поднявшись на третий этаж, толкнул незапертую дверь комнаты в самом конце коридора.

Комната №29 являла собой живописное зрелище. В «предбаннике» – маленькой кухоньке – на столе красовалась огромная куча кастрюль, тарелок и пустых консервных банок преимущественно из-под кильки в томате. Кучу не касалась рука с тряпкой, и она источала зловоние, изредка уносимое в вентиляцию под потолком. Почему-то здесь же, у стола, находился матрас с подушкой. Там и сям на полу, на столе, на навесном шкафу лежали и стояли различные электрические приборы – утюги, миксеры, тостеры, чайники – их было превеликое множество. Между ними бегали бодрые толстые общежитские тараканы.

Мужчина, осторожно ступая, проник в «спальню».

Как и ожидалось, кровати здесь не было. Вся комната была опять-таки завалена – но теперь магнитолами, «бумбоксами», приёмниками и телевизорами. Со всей этой горой утиля никак не гармонировал большой шкаф от дорожущего гарнитура, неизвестно как сюда попавший.

Ещё в этой комнате был очень дорогой компьютер. На письменном столе, сплошь опутанном проводами, стояли три монитора. За этим столом, на вращающемся стульчике сидел упитанный розовощёкий мальчик в очках. Он, как паук паутиной, тоже весь был опутан проводами, наушниками и ещё чёрт знает чем.

Мальчик изредка тарабанил нервно по клавиатуре, отхлёбывая из давно немывтого граhнёного стакана кофе.

– Здравствуй, Янис, – произнёс мужчина.

Пухлый Янис не слышал. Юный Билл Гейтс таращился в монитор, морща лобик.

– Янис Вейспал! – мужчина сказал громче.

– Тебе чего? – Янис и не думал оборачиваться на голос.

Мужчина, балансируя, сделал два шага среди гор аппаратуры.

– Я слышал, что ты способный парень.

Янис откусил от батона и положил его рядом с открытой банкой сайры с торчащей в ней вилкой, стоящей тут же, на столе. Он был очень занят.

– Я хочу предложить тебе работу, – сказал незнакомец.

– Что за работа? – жующий Янис посмотрел, наконец, на гостя. Их глаза встретились.

– Мне нужны сведения по некоторым коммерческим банкам Москвы.

– Что за сведения?

– На первое время – общедоступные. Далее – скрытное проникновение во внутреннюю сеть некоторых из них. Хакерство, грабёж и прочее баловство меня не интересует. Только информация.

Янис проглотил кусок и поправил очки.

– Моя работа оч-чень дорого будет стоить. Тысяча баксов.

Мужчина мгновение молчал.

– Я хочу, чтобы ты постоянно выполнял мои поручения. Я как бы беру тебя на работу.... Платить, да. Платить. Три тысячи в первый месяц, будет достаточно. А дальше – посмотрим. Да, у меня маленькое условие: деньги получишь после того, как предоставишь первую часть информации.

Янис перестал жевать.

– Как вас зовут?

Незнакомец повернулся лицом к окну, раздумывая о чём-то своём. Потом, видимо вспомнив что-то, произнёс:

– Зови меня просто – Лот.

Янис сделал движение, как бы поправляя причёску – он был обрит наголо. Волнение охватило его.

– Я согласен. Давайте рискнём, а что? Я думаю, что через два-три дня....

Лот перебил его.

– Я сам приду, когда ты закончишь.

Он резко повернулся и вышел из комнаты....

Глава 4.

Прошло три дня, как Лот появился в Москве. Всё это время он почти ничего не ел, и ему предстояло обходиться без пищи ещё около трёх дней. Школа выживания, которую он прошёл в лесу, сослужила хорошую службу. Но это было ещё не всё: нужен был ночлег, и ещё многое из простого обихода. Ведь как-никак он был человек, и всё, что являлось необходимым для других, было необходимо и для него. Это было необходимо даже в большей степени – будучи ослабленным и голодным, он не мог длительно управлять энергией. Встреча с хулиганьём в подворотне окончательно истощила его.

Выйдя из комнаты Яниса, Лот поднялся на последний, девятый этаж общежития.

Железная лестница упиралась в массивный люк чердака. Он открыл его. Ещё одна – следующая лестница вывела его на крышу.

Холодный ветер продувал насквозь, над крышей низко неслись чёрные облака.

Сил оставалось мало.

Начинал накрапывать дождь. Лот лёг на мокрый рубероид крыши, лицом вверх, и закрыл тяжёлые, уставшие веки.

И яркий свет ворвался в его сознание....

...Вейспал сдержал слово. Через два дня Лот получил первую информацию, заверив, что к вечеру, самое позднее – на следующий день и он, Лот, сдержит своё слово.

Это был перечень банков, завязанных в одну сеть и подконтрольных одной корпорации – «Властелину». Ещё здесь были графики работы, размеры уставных капиталов, примерный ежедневный объём операций и фактические адреса. Более Лоту и не требовалось.

Первый в списке, Бета-Банк, находился на Ленинградском проспекте в здании, ранее принадлежавшему техникуму моторостроителей. Четыре массивные колонны как нельзя лучше соответствовали новому его назначению. Высокие окна выходили на перекрёсток с оживлённым движением, а широкий тротуар был переделан в парковку для клиентов банка.

У входа дежурил милиционер. Две телекамеры под разными углами сканировали пространство перед банком круглосуточно, в фойе на небольшой лестнице находились ещё два охранника – с помповыми ружьями. В самом банке – в операционном зале, в коридорах, в хранилище, в операторской – ещё охрана. На ночь двое охранников запирались внутри, обеспечивая покой управляющего и клиентов – это помимо супернадёжной электроники, замков, сейфов, решёток, дверей.

В четверг, 8 октября, на парковке перед банком появился мужчина средних лет. На нём был приличный плащ и грязные туфли. Недельная щетина покрывала щёки и подбородок. Мужчина пересёк парковку, миновал вход в банк и подошёл к телефонной будке на углу.

Часы, висящие над входом, показали 10:58.

В помещении визуального контроля находился только один дежурный. В 10:59 в комнату вошёл начальник охраны. Он рассеянно взглянул на блок управления наружными камерами и зачем-то выключил запись. Дежурный, как и положено, открыл журнал, чтобы сделать соответствующую запись....

В 11:00 к входу в банк подъехала инкассаторская машина, доставляющая денежные средства, предназначенные для обеспечения ежедневных функций банка.

Охранник, сидящий с водителем, вышел первым, и, осмотревшись, открыл дверь машины. Второй появился из багажного отделения. Осталось закрыть дверь и перенести мешки с наличностью.

Милиционер, стоящий у входа, знал их в лицо.

Что-то произошло – солнечный свет изменился – так бывает, когда облако внезапно скрывает луч. К машине подошёл человек, до этого стоящий у телефонной будки. Инкассатор – тот, что вышел первым – молча взял из машины тяжёлый сейф-кейс, и, отстегнув болтавшиеся на нём наручники, передал незнакомцу.

Милиционер улыбался, глядя на обоих охранников. Они взяли все четыре мешка и направились в банк, запорев машину – в ней находился ещё один сотрудник, кроме водителя.

Мужчина с кейсом вовсе не торопился. Он ещё с минуту наблюдал за происходящим, затем перешёл на другую сторону улицы и скрылся в переулке.

За секунду до того, как начальник охраны снова включил запись наружных камер....

...Океанские волны с рёвом обрушивались на скалы, и, разбиваясь на тысячи брызг, густой пеной возвращались в океан. Здесь, на северо-восточном побережье Англии, наступил период штормов, обычных для этих широт в октябре.

Берег представлял собой изогнутую линию высоких скал, небольшим мысом выходящих в море. Там, на мысе, на высоте сто шестьдесят метров высилась громада древнего замка Тайнт-эдждл.

С трёх сторон окружённый обрывом, уходящим в прибой, он был совершенно неприступен и в те далёкие времена. Согласно легенде, именно в этих стенах родился и провёл детство король Артур.

С четвёртой стороны был устроен ров и подъёмный мост, тщательно заново созданный новыми хозяевами замка. Мост был теперь шире и прочнее, и приводился в действие сервомоторами. Да и дозорных на башне у ворот не было – их роль теперь играли телекамеры. Они медленно вращались, обозревая подходы к замку. Метрах в двадцати от моста находился блокпост с ангаром и небольшая вертолётная площадка. Двухместный вертолёт стоял тут же, и морской ветер медленно вращал лёгкие его лопасти.

Замок обрёл нового хозяина три года назад. Внутренние помещения были отреставрированы. Витражи, полы, камин тщательно воссоздавались – не допускалось и малейшего отклонения от сохранившихся документов, лишь пара комнат претерпела незначительные изменения. Кроме всего прочего, в замке было установлено самое совершенное оборудование – охранное, телекоммуникационное и бытовое. Климатическая установка поддерживала необходимые условия для бесценных произведений искусства, привезённых сюда хозяином чуть позднее.

Немногочисленная, но высокопрофессиональная прислуга знала своё дело – всё содержалось в полном порядке и готовности. Вооружённая охрана обеспечивала полную закрытость прилегающей территории в радиусе пятисот метров – здесь имелся и второй блокпост.

Хозяин приезжал в Тайнтэдждл редко – два-три раза в год, хотя и очень любил это своё приобретение. Накануне охрана была предупреждена о его прибытии, и шеф службы безопасности принял все предписанные меры по этому случаю: изменил график дежурства и отправил радио на судно. «Рекс Моран» – так называлась яхта – стоял на рейде в открытом море, в трёх километрах от берега. И хозяин – Ивлев Игорь Валерьевич – прибыл точно в одиннадцать часов вечера.

Самая большая комната в замке имела площадь около ста квадратных метров и высокие потолки – до шести метров. Одну стену почти полностью занимал камин. По обе стороны от него стояли два рыцаря в доспехах, с алебардами, над каминной полкой висели часы – тоже старинные, как и всё в замке. На дубовом паркетном полу, перед камином, лежал ковёр. Мебели почти не было – дубовый же массивный стол стоял ближе к окнам, окружённый восьмью готическими стульями с высокими гербовыми спинками. Такой же герб красовался над входом в зал, и над часами. Ещё было бюро красного дерева и горка. Оставшиеся две стены были увешаны старинным английским оружием, рогами и чучелами голов диких зверей. Часть стены между витражами занимал огромный экран многофункционального монитора.

Ивлев стоял у монитора. На него передавалось изображение с телекамеры, направленной в море. Лёгкий ветер вздымал океанические волны, срывая с вершук белых барашки. Вдалеке, на фоне низких серых облаков качалась белая яхта – «Рекс Моран». Шум прибоя наполнил комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.